

На правах рукописи

ОРЛОВА Ольга Вячеславовна

**ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
МЕДИАКОНЦЕПТА:
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ И МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет» на кафедре современного русского языка и стилистики

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Болотнова Нина Сергеевна

Официальные оппоненты: Лысакова Ирина Павловна
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВПО «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена», профессор кафедры
межкультурной коммуникации

Фельде Ольга Викторовна
доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ
ВПО «Сибирский федеральный университет»,
профессор кафедры русского языка и речевой
коммуникации

Мишанкина Наталья Александровна
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО
«Национальный исследовательский Томский
государственный университет», профессор кафедры
общего, славяно-русского языкознания и
классической филологии

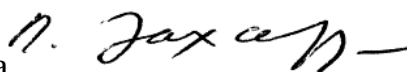
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится 25 декабря 2012 года в 10:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Захарова Людмила Андреевна

Антропоцентризм и когнитивно-дискурсивный парадигмальный поворот в современной лингвистике стимулируют ученых к изучению материализованных вербально когнитивных структур, активно участвующих в формировании дискурсивных практик современности в их текучести и непрерывном развитии. В последнее десятилетие произошли значительные изменения в исследовании двух ключевых объектов лингвистической науки нашего времени – дискурса и концепта, изменения, сходные с произошедшим во второй половине XX столетия переходом от системно-структурного рассмотрения языковых явлений к функционально-коммуникативному. Речь идет о смещении акцентов со статической модели концептологических исследований к динамической, позволяющей анализировать концепты в процессе их становления и развития в отдельных дискурсах как непосредственной среде их лингвосоциокультурной экзистенции.

Данное диссертационное исследование выполнено в русле когнитивного направления коммуникативной стилистики текста, «комплексно изучающей целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации» [Болотнова, 1998, с. 6], отражающую «когнитивные механизмы общения на основе первичной и вторичной текстовой деятельности автора и адресата» [Болотнова, 2012, с. 183].

Нацеленность коммуникативной стилистики текста на изучение сопряженности коммуникативной деятельности автора и адресата, стимулирующая развитие таких коммуникативно-деятельностных в своей основе теоретических концепций, как теория текстовых ассоциаций, теория смыслового развертывания текста и теория регулятивности (см. о них: [Болотнова, 1998, 2003 и др.]), обуславливает динамическое понимание концепта как развертывающейся, развивающейся и процессуальной вербально-ментальной целостности.

Начавшееся сравнительно недавно изучение текстовой, дискурсивно-стилистической сущности концепта в его непрерывной коммуникативной динамике и вариативной изменчивости в отечественной лингвистике основывается на обширной и эвристически насыщенной научной базе.

Если проследить историю изучения концептов в русистике, можно обозначить различные актуальные проблемы представления концепта как оперативной единицы вербально-ментальной сферы человеческого сознания. Одна из таких проблем, характерная для периода 1990-х гг., была связана с поиском единых оснований, структурирующих различные концептосферы: общечеловеческую, национальную, культурную, – детерминирующих явленную в слове мысль о мире в целом: «главный вопрос, на который отвечали исследователи, состоял в том, что в сознании носителей языка стоит за той или иной единицей языка» [Крючкова, 2009, с. 6].

С момента кодификации в отечественном языкознании, без преувеличения, судьбоносного для него термина *картина мира*, концепт мыслится базовой единицей концептуальной картины мира, т.е. «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека» [Постовалова, 1988, с. 21]. Как отмечает В.А. Пищальникова, «реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов, система континуальная

и открытая, <...> порождающая внутри себя функциональные подсистемы концептов» [Пищальникова, 1997, с. 12]. Соглашаясь с мнением Р.И. Павилениса, исследователь считает, что «концепт включает в себя все, что индивид знает и предполагает о той или иной реалии действительности: понятие, визуальное или иное сенсорное представление, эмоцию, ассоциации разного характера и в качестве интегративного компонента – слово» [Павиленис, 1983, с. 101 – 102].

Как видим, одна из ведущих проблем, интересующих ученых, – проблема соотношения концепта и слова. В отечественной филологии она впервые обозначена в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдова-Алексеева, опубликованной в 1928 году. Автор статьи подразумевает под концептами общие понятия и видит их предназначение в «функции заместительства»: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 269]. Слово же мыслится исследователем как «составная часть художественного концепта» [Там же, с. 276]. Д.С. Лихачев в статье «Концептосфера русского языка», продолжая рассуждения С.А. Аскольдова, выражает мнение, что «концепт существует не для самого слова, а <...> для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [Лихачев, 1997, с. 281]. Основным итогом размышлений исследователей становится тезис о том, что «концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно, <...> именно через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке, «улавливаем» концепты» [Бабушкин, 1998, с.11].

Во второй половине 1990-х гг. в рамках интенсивно развивающихся лингвокультурологии и этнолингвистики анализ этимологии слова, истории его существования и закономерностей его функционирования в той или иной языковой культуре позволил сделать выводы о фундаментальных особенностях и различиях национальных картин мира. Так, А. Вежбицкая, считающая, что значение «этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос», описывает некоторые «важные семантические характеристики, образующие смысловой универсум русского языка» на основе толкования таких понятий, как *душа*, *судьба*, *тоска*, «которые постоянно возникают в повседневной речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (как «высокая», так и народная)» [Вежбицкая, 1997, с. 33].

Ю.С. Степанов, полагает, что «существуют концепты над индивидуальными употреблениями» [Степанов, 1997, с. 289], предметом созданного им словаря «Константы. Словарь русской культуры» становятся устойчивые понятия, или концепты, русской культуры. В предисловии к словарю автор отмечает, что количество концептов-констант русской культуры сравнительно невелико, «а между тем духовная культура состоит в значительной степени из операций с этими концептами», и что «русская культура существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, выражающих культурные концепты» [Там же].

На стыке лингвокультурологии и когнитивистики, в разработку которых значительный вклад внесли Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин, З.И. Резанова, А.П. Бабушкин, Ю.С. Степанов, В.А.

Маслова, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин и мн. др., в начале 2000-х годов происходит мощный всплеск исследований конкретных концептов в разных лингвокультурах.

Эти исследования (прежде всего в рамках волгоградской школы (см.: [Алефиренко, 2003; Воркачев, 2004, 2007; Карасик, 2004, 2007; Красавский, 2001; Слышкин, 2000, 2004] и др.) и воронежской (см.: [Стернин, 2001, 2006, 2008; Попова, Стернин, 2007] и др.)) привели к появлению, во-первых, релевантных описаний разнообразных фрагментов национальных языковых картин мира (см., например, продолжающееся многотомное издание под ред. В.И. Карасика и И.А. Стернина: [Антология концептов, 2005 – 2009]). Во-вторых, к созданию «более или менее согласованной методики описания лингвокультурных концептов, включающей приемы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр. В качестве источника языкового материала для исследования концептов привлекаются данные выборки практически из всех видов дискурса, паремиологии и лексикографии, опрос информантов» [Воркачев, 2011].

Как отмечает С.Г. Воркачев в одной из новейших работ, «к середине «нулевых» в её (лингвоконцептологии – О.О.) триумфальном шествии наметился определенный застой и кризисные явления: вырождение её базового термина – концептом стали называть план содержания любого вербального знака, содержащего хотя бы намек на культурную специфику, а в выборе объекта исследования лингвоконцептологи стали все чаще использовать «метод дятла» – долбления в одну точку, когда один и тот же концепт описывался по нескольку раз («судьба», «семья», «любовь», «дружба», «труд», «деньги» и пр.)». В качестве одного из выходов из обозначенного гносеологического тупика исследователь называет изучение «подвидов лингвокультурных концептов: их дискурсных (см.: [Воркачев, 2005, 2006]) и диахронических вариантов» [Там же].

Вариативная и динамическая природа концепта неизбежно оказывается в центре исследовательского внимания при избрании функционально-коммуникативного подхода к анализу концептов. Особенно полно и многогранно представлен данный подход в монографии Н.В. Крючковой, четко выразившей «мысль об интегрирующей роли концепта, выступающего «скрепляющим» элементом в отношении сознания, языковой системы, культуры и обеспечивающего их выход на коммуникативно-дискурсивный уровень» [Крючкова, 2009, с. 17]. В разделе «Концепт и дискурс» автор отмечает «двунаправленный» характер их взаимоотношений, «роль дискурса как среды и основного фактора формирования концептуального содержания» и способность концептов «порождать вокруг себя определенный дискурс», а также актуальность и перспективность «дальнейшего изучения и дискурсивной природы концепта, и концептуального наполнения дискурса» [Там же, с. 30 – 35]. Однако за исключением некоторых сравнительно немногочисленных работ, в которых изучаются базисные концепты отдельных дискурсов (политического, педагогического, спортивного и др.) [Кабаченко, 2007; Малышева, 2011; Шейгал,

2004], дискурсивная определенность концептов, как правило, находится на периферии исследований.

Закономерно, что мощную теоретическую основу для комплексного анализа концептов в дискурсах и дискурсов сквозь призму концептов составила отечественная стилистика, в которой «традиционно изучалось и изучается реальное функционирование языковых средств разных уровней, исследуются особенности употребления языковых единиц в разных сферах общения с учетом комплекса экстралингвистических факторов» [Болотнова, 2012, с.181] (см. работы В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожинной, Н.А. Купиной, М.Б. Борисовой, Н.С. Болотновой и их последователей).

Динамический эволюционный подход, постулирующий взаимообусловленность концепта и дискурса, когда концепт мыслится процессуально, как порождаемый определенным дискурсом и одновременно порождающий этот дискурс, на новом витке развития отечественной функциональной и коммуникативной стилистики требует новых ответов на теоретические вопросы соотношения понятий дискурса, функционального стиля и принципов функционирования стилистической системы языка / речи. В развитии коммуникативной стилистики текста современный этап в разработке когнитивных аспектов изучения текста, в частности – вопроса о факторах и закономерностях взаимоотношений концептов и дискурсов, связан с анализом текстов различной дискурсивно-стилистической принадлежности [Там же, с. 186].

Интенсивные и глобальные трансформации, происходящие в настоящее время в массово-информационном коммуникативном пространстве, способствуют особой научной и социокультурной актуальности исследований языка и стиля массмедиа в тесной взаимосвязи со всей совокупностью экстралингвистических факторов порождения и восприятия медиатекстов. По этой причине многие исследователи стали говорить об особой области лингвистики – медиалингвистике «как новом системном подходе к изучению языка СМИ» [Добросклонская, 2008, с. 6]. Центральными понятиями стали понятия медиатекста, отличающегося семиотической осложненностью (поликодовостью, креолизованностью) и особой социальной обусловленностью, и медиадискурса (см. работы Т.Г. Добросклонской, С.И. Сметаниной, Е.Е. Анисимовой, В.Е. Чернявской, И.В. Рогозиной, И.В. Анненковой и др.).

В функциональной и коммуникативной стилистике продолжают поиски закономерностей, обуславливающих языково-стилистические изменения в современных СМИ (см. труды Г.Я. Солганика, Л.Р. Дускаевой, И.П. Лысаковой, И.Т. Вепревой, М.Р. Желтухиной, Л.Г. Кайды, Н.И. Клушиной, Н.В. Муравьевой, Т.В. Чернышовой и др.). Если говорить о концептологическом анализе медиадискурса, то наблюдается большое количество описаний различных отдельных концептов в медиасфере – *власть, терроризм, президент, свобода* и т.д. [Белоусова, 2011; Егорова, Кириллова, 2010; Куданкина, 2005; Пименова, 2007; Прибылова, 2011; Михайлов, 2010; Шаова, 2004]. Однако работ, посвященных комплексному анализу дискурсивно-стилистической природы медийных концептов и их дискурсоформирующей функции в когнитивно-стилистическом аспекте, не обнаружено.

Особую роль в коммуникативно-когнитивной организации медиадискурса, репрезентирующего, а главное – детерминирующего мирознание нашей эпохи, играют вербально-ментальные феномены особого рода – медиаконцепты, являющиеся, в отличие от концептов, образованных в ходе многовековой культурно-языковой эволюции (констант культуры), результатом отраженной в текстах СМИ коллективной мировидческой рефлексии над современностью. Медиаконцепты представляют собой лингвосемантические универсалии, вошедшие в ментальный мир носителя языка с началом формирования информационного общества посредством массмедиа и ставшие способом формирования и трансформации массового сознания.

Считаем, что ключевыми характеристиками анализируемых лингвокогнитивных структур являются два взаимосвязанных параметра: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта.

Актуальность работы определяется необходимостью исследования дискурсивно-стилистической эволюции формирующих и трансформирующих мирознание современной эпохи концептуальных единиц особого рода – медиаконцептов (*гламур, кризис, нано, нефть* и др.). Эти коренным образом отличающиеся от традиционных констант культуры (*дом, любовь, дорога* и др.) вербально-ментальные феномены медийной природы требуют разработки новых процедур анализа концептов в динамике их коммуникативно-дискурсивного существования. Динамический подход призван определить семантический статус и когнитивно-коммуникативные возможности концептов непосредственно в стадии их онтогенеза – оформления и обретения ими собственных ячеек в матрице культуры и общественного сознания.

Объектом исследования является динамика вербально-ментальных единиц современной коллективной лингвоконцептосферы в ее дискурсивно-стилистической объективации.

Предмет исследования – дискурсивно-стилистическая эволюция вербализованных в массмедийном текстовом континууме медиаконцептов, имеющих разный жизненный цикл и миромоделирующий потенциал (*кризис, гламур, нано, гласность, нефть*).

Цель работы – исследовать дискурсивно-стилистические и экстралингвистические механизмы зарождения и функционирования медиаконцептов *кризис, гламур, нано, гласность, нефть*, имеющих разный жизненный цикл и миромоделирующий потенциал, и реконструировать связанный с ними медийный фрагмент современной русской картины мира в ее региональных и социокультурных модификациях.

Поставленная цель предполагает решение ряда **задач** теоретического, методологического и интерпретационно-исследовательского характера.

1. Разработка одного из вариантов решения проблемы взаимосвязи понятий *дискурс* и *функциональный стиль*, *медиадискурс* и *массмедийный стиль*, *стилистическая* и *дискурсивная маркированность медиатекста*.

2. Обоснование теории медиаконцепта, а также новых подходов к его анализу, подразумевающее:

- определение места и своеобразия медиаконцепта в ряду смежных лингвокогнитивных структур;
- создание понятийно-терминологического аппарата, позволяющего производить адекватную процедуру анализа медиаконцепта как эволюционирующей вербально-ментальной целостности (*жизненный цикл, миромоделирующий потенциал, векторы ассоциативно-смыслового развертывания, культурный и вербальный прототипы медиаконцепта, концептуальное напряжение* и др.);
- разработку оснований для классификации медиаконцептов и составление их типологии.

3. Определение роли прототипических когнитивно-коммуникативных структур в дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов.

4. Описание дискурсивно-стилистической эволюции концептов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла: стадии зарождения и роста, стадии роста и зрелости, стадии «затухания» и др.

5. Выявление и анализ интрадискурсивных и экстрадискурсивных факторов формирования и развития миромоделирующего потенциала медиаконцепта в его вариативных дискурсивных версиях.

6. Разработка комплексной методики динамического анализа концепта, предполагающей применение как традиционных, так и инновационных методов анализа текста и дискурса.

Материалом исследования стали тексты СМИ разного типа: проанализировано более 100 000 разных по объему контекстов (от фрагментов до целых текстов) центральной и региональной прессы, радио, телевидения, интернет-ресурсов. При анализе миромоделирующего потенциала медиаконцептов были рассмотрены художественные и публицистические произведения отечественных авторов, а также обобщены данные лингвистических экспериментов, в том числе нацеленных на выявление показаний языкового сознания.

Теоретическую базу работы составили исследования в области функциональной стилистики (работы В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожинной, Н.А. Купиной, Г.Я. Солганика, Л.Р. Дускаевой, В.А. Салимовского и др.) и коммуникативной стилистики текста (труды Н.С. Болотновой и ее школы); в области анализа дискурса (работы Н.А. Кузьминой, М.Л. Макарова, О.С. Иссерс, А.П. Чудинова, Т.В. Шмелевой, Е.Г. Малышевой, А.А. Ворожбитовой, В.Е. Чернявской и др.), включая новейшие исследования интернет-дискурса (работы М.А. Кронгауза, Г.Ч. Гусейнова, О.В. Лутовиновой, К.А. Прасоловой и др.); достижения отечественной лингвоконцептологии (работы Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, З.И. Резановой, Н.В. Крючковой и др.); медиалингвистики и медиапедагогики (труды И.Т. Вепревой, Т.Г. Добросклонской, М.Р. Желтухиной, Л.Г. Кайды, Н.Б. Кирилловой, Н.И. Клушиной, И.П. Лысаковой, Н.В. Муравьевой, С.И. Сметаниной, А.В. Федорова и др.).

Методика исследования включала комплекс разноплановых исследовательских процедур и носила поэтапный характер.

На начальном этапе исследования дискурсивного развертывания того или иного медиаконцепта актуальны методы анализа корпусной и компьютерной лингвистики, которые обеспечивают объективную достоверность и верифицируемость результатов, позволяют изучать значительные текстовые массивы с помощью их компьютерной обработки.

В работе используются несколько исследовательских процедур информационно-технологического характера:

1) создание новых корпусов текстов, репрезентативных для данного исследования и его проблемной области (например, корпус текстов, актуализирующих концепт *гламур*, корпус региональных медиатекстов «нефтяной» тематики и т.д.), с последующей их электронной обработкой и анализом полученных данных;

2) электронная обработка уже имеющихся и доступных в сети Интернет корпусов текстов, таких как Национальный корпус русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>), Компьютерный корпус газетных текстов современного русского языка конца XX-ого века (URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/corp_descr.html), а также иных интернет-ресурсов, позволяющих получить релевантные для последующего анализа лингвистические данные (например, материалов сайтов, размещающих заголовки медийных текстов (zagolovki.ru), или сайтов массово-информационных изданий и электронных СМИ, на которых размещены архивы номеров и выпусков);

3) использование самой сети Интернет в качестве глобального текстового континуума, который посредством применения различных поисковых систем (Яндекс, Google и др.) и аналитических процедур идентифицирующего и дифференцирующего характера может быть либо трансформирован в адекватный избранной проблемной области корпус текстов (например, корпус современных интернет-текстов различных стилей и жанров со словом *гламур*), либо представлен в целом как источник лингвостатистических и собственно лингвистических данных для интерпретации (частотность слова / словосочетания в ссылочном аппарате сети, типичные коллокации, названия сайтов и др.);

4) использование программ автоматической обработки текста (в частности, программы «Контент-анализ») для получения достоверных данных о частотности лексических единиц, их типичной сочетаемости и контекстуально-тематической соотнесенности.

На следующей стадии созданный корпус текстов становился материалом для контекстологического и концептуального анализа с целью выявления магистральных векторов ассоциативно-смыслового развертывания концепта, описания семантической матрицы концепта и процесса генерации и генерализации в ней новых смыслов, в ряде случаев – с опорой на показания языкового сознания, выявленные в ходе лингвистических экспериментов.

Всего в работе использовались результаты четырех лингвистических экспериментов. Два из них имели так называемый «кабинетный» характер и были нацелены на выделение с помощью разного рода манипулятивных процедур из некоторого объемного текстового массива интересующего нас вербально-смыслового субстрата. Это пилотный интернет-эксперимент с поисковой системой

Google на определение вероятного контекстуального окружения искомой коллокации и стилистический эксперимент, заключавшийся в трансформации исходного текста путем его сокращения в соответствии с установленными формальными критериями.

Два эксперимента можно называть полевыми, поскольку они проводились в г. Стрежевом Томской области на основе опроса и были направлены на выявление показаний языкового сознания жителей данного города. Процедура одного из экспериментов представляла собой реализацию методики незаконченных предложений, процедура второго основывалась на модифицированной методике семантического дифференциала Ч. Осгуда. Результаты этих экспериментов нашли отражение в 4 главе работы, однако вошли в нее далеко не полностью, поскольку оказались столь объемными и репрезентативными, что их разносторонний анализ требует отдельного исследования.

В целом описанная выше процедура динамического когнитивно-дискурсивного анализа сочетает синхронный и диахронный аспекты.

Синхронный аспект подразумевает изучение языково-речевых основ порождающего концептуальное напряжение диалогического взаимодействия автора и адресата в процессе ассоциативно-смыслового развертывания концепта в медианарративе и определение его миромоделирующего потенциала.

Диахронный аспект подразумевает изучение концепта с точки зрения его эволюции в медийной дискурсивной среде на определенной временной оси, что позволяет, во-первых, описать различные стадии онтогенеза концепта от зарождения до «затухания», во-вторых, проследить информационно-интерпретационные импульсы, транслируемые современному концепту его ментальными и вербальными прототипами-предшественниками, в-третьих, уточнить и детализировать типологию медиаконцептов.

Лингвистическое моделирование – один из ведущих методов когнитивной и коммуникативной лингвистики, а также дискурс-анализа – используется в качестве результирующей методологической процедуры. Оно предполагает реконструкцию актуального фрагмента дискурсивной картины мира, сформированного конкретной медийной доминантой, на основе обобщения данных, полученных в ходе предшествующего анализа текстов и лингвистических экспериментов.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что среди уже описанных конститuentов лингвоконцептосферы (концептов, констант культуры, идеологем, лингвокультурем и др.) выделена новая единица, получившая теоретическое обоснование и описание в ряду смежных лингвоментальных феноменов. Выявлена и изучена совокупность характеристик медиаконцепта. Разработана особая процедура анализа медиаконцепта с учетом его интерактивно-динамической природы и дискурсивно-стилистической сущности.

Предложены новые решения таких дискуссионных теоретических вопросов, как соотношение понятий функционального стиля и дискурса, публицистического / массмедийного стиля и медиадискурса, стилистической и дискурсивной природы текста и текстовых концептов.

В научный оборот вводятся новые для лингвоконцептологии и дискурс-анализа понятия *дискурсивно-стилистическая эволюция*, *жизненный цикл*,

миромоделирующий потенциал, культурный и вербальный прототипы концепта, обновляются и аспектизируются понятия концептуальное напряжение и векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта.

Впервые моделируется история дискурсивного бытования и семантическая структура лингвоментальных доминант современной медиасферы (*нано, гласность, нефть* и др.).

Новизна исследования связана также с применением сочетающей приемы психо- и социолингвистического подходов экспериментальной методики, нацеленной на выявление показаний массового языкового сознания, и проектированием комплексной методики анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта.

Новым в плане научного поиска является один из источников материала, а именно районные печатные СМИ нефтедобывающего региона (Томской области) и корпоративная пресса нефтяной отрасли, которые до сих пор не исследовались в когнитивно-коммуникативном аспекте.

Теоретическая значимость работы состоит во введении в научный оборот современной когнитивной и коммуникативной лингвистики новой единицы, обладающей особыми когнитивно-дискурсивными свойствами; в дальнейшей разработке эволюционно-динамического подхода к анализу семантики и прагматики текстовых концептуальных структур и конкретизации когнитивно-стилистического направления лингвоконцептологического анализа.

Результаты исследования синтезируют и обогащают достижения таких магистральных направлений современной лингвистики, как функциональная стилистика, включая коммуникативную стилистику текста, и дискурс-анализ, лингвокультурология и когнитивная лингвистика, текстоведение и медиалингвистика. Намечены перспективы решения фундаментальной задачи комплексного описания массмедийного стиля на этапе глобальных трансформаций медийной коммуникации.

Кроме того, в работе предложены ответы на «вечные» вопросы языкознания – о закономерностях, предпосылках и следствиях «встречи» слова и смысла в их реальной дискурсивно-стилистической экзистенции.

Практическая значимость работы связана с целесообразностью использования ее результатов в вузовских курсах «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка», в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, лингвоконцептологии, теории дискурса, медиалингвистике.

Результаты использованной в работе методики комплексного анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта могут применяться в журналистской практике, деятельности составителей рекламных и PR-текстов, социологов, политологов, имиджмейкеров.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Функциональный стиль и дискурс, будучи разнопорядковыми понятиями, являются результатом научного осмысления языково-речевой реальности в формате двух разных по типу систем: классической и диссипативной соответственно. Текст, обладая и стилистической, и дискурсивной

маркированностью, имеет определенное место в матрице единой стилистической классификации и обладает нелимитируемым множеством дискурсивных атрибуций.

Медиатекст, отражающий в последнее десятилетие смену конструктивно-стилевого вектора с публицистического на медийный, обнаруживает чрезвычайную дискурсивную изменчивость и вариативность.

2. Одним из ведущих трендов современной лингвоконцептологии является постепенный переход от изучения концептов в статике (описания сложившихся в концептосфере языка в результате длительной культурно-языковой эволюции констант культуры) к изучению текстовых концептов в динамике их коммуникативно-дискурсивного существования. Динамический подход предполагает рассмотрение концепта, во-первых, в аспекте эволюции средств его вербальной объективации и семантического наполнения в конкретной дискурсивно-стилистической среде на определенной временной оси, во-вторых, в аспекте дискурсивных детерминаций его способности быть медиатором социально значимых смыслов, ценностей, установок.

3. Медиаконцепты – это вербально-ментальные феномены особого рода, отличающиеся медийной дискурсивно-стилистической природой, вошедшие в мирознание носителей языка с началом формирования информационного общества и ставшие средством ментально-психологической и эмоциональной адаптации к новой реальности. Медиаконцепт характеризуется определенным жизненным циклом и миромоделирующим потенциалом.

4. Под *жизненным циклом медиаконцепта* понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования либо – в случае приобретения концептом стабильных культурно значимых субстанциональных смыслов и оценочных характеристик – к закреплению в национальной концептосфере в качестве константы культуры. *Миромоделирующий потенциал медиаконцепта* определяется как его способность в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в массмедийном текстовом континууме выполнять лингвоментально-креативные и трансформативные функции, генерируя постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума.

5. Длительность жизненного цикла и мощность миромоделирующего потенциала концепта обусловлены комбинаторным взаимодействием ряда интрадискурсивных и экстрадискурсивных факторов. К первым относятся фантомность семантики, сила концептуального напряжения, количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания различной аксиологической валентности, рефлексивная активность, способность инкорпорироваться в прецедентные тексты и мигрировать в немедийные дискурсивные сферы, ко вторым – существующие в объективной исторической реальности политические, экономические, социокультурные обстоятельства.

6. Одним из важных дискурсивных факторов концептообразования в медиасфере становится прототипический фактор. Культурный и вербальный прототипы формируют пресуппозиционную матрицу, некоторые прогностические контуры содержательного и аксиологического развертывания концепта в

медиадискурсе, а сила миромоделирующего потенциала медиаконцепта обуславливается мощностью информационно-интерпретационных импульсов, транслируемых его вербальным и ментальным прообразами.

7. Существует закон семантико-аксиологического маятника, отражающий дискурсивно-стилистическую эволюцию медиаконцепта: чем больше концепт способен сформировать магистральных векторов ассоциативно-смыслового развертывания, аккумулирующих вокруг себя зоны пикового концептуального напряжения, чем выше уровень и разнообразнее спектр эмоционально-оценочных коннотаций, катализирующих аксиологическую конфликтность внутри интерпретационного поля концепта, тем более жизнеспособен концепт, тем длиннее его жизненный цикл, тем выше его миромоделирующий потенциал. И наоборот, чем уже амплитуда колебаний семантико-аксиологического маятника и спектр смысловой и оценочной нюансировки интерпретационного контента, тем менее жизнеспособен медиаконцепт.

8. Значимой эволюционной характеристикой, обуславливающей миромоделирующие возможности концепта в медиасфере, является его способность приобретать этнокультурные и региональные спецификации. Локально маркированные варианты развития значительно обогащают содержание концепта в плане новых «сюжетных линий» и в плане социоаксиологических интенций, как правило, за счет трансформаций аксиологической структуры базовых констант традиционной культуры региона.

9. Медиаконцепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, трансформируясь в концепты иного ранга – культурные, включая художественные, – в результате миграции в немедийные дискурсивные среды приобретают способность продуцировать новые векторы ассоциативно-смыслового развертывания, а также новые возможности наращивать концептуальное напряжение организованных ими контекстов. Ярким признаком «культурной стабилизации» концепта является появление в его интерпретационном поле нового, уже не собственно медийного, семантического слоя, аккумулирующего импульсы философской и эстетической рефлексии современников.

10. Сопровождающие дискурсивно-стилистическую эволюцию обладающих сильным миромоделирующим потенциалом концептов-«долгожителей» ярко выраженный «маятниковый» эффект, крайне высокий градус аксиологической конфликтности и полифоничность семантической аранжировки отчетливо реализуют тенденцию к этической амбивалентности и чрезвычайному релятивизму, свойственную современной постмодернистской культуре.

Апробация работы. Основные положения исследования были апробированы на II Всероссийской ежегодной научно-практической конференции «Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве» (15 мая 2005 г., Томск), VIII Всероссийском научно-практическом семинаре «Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл» (28 апреля 2006 г., Томск), V Всероссийской научной конференции с международным участием «Текст и языковая личность» (26–27 октября 2007 г., Томск), IX Всероссийском научном семинаре «Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах» (25–26 апреля 2008 г., Томск), Международной

научно-практической конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (4 июля 2008 г., Кемерово), I-ых Международных (XV Всероссийских) филологических чтениях «Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте» (22–24 апреля 2010 г., Лесосибирск), IV Международной научно-практической конференции «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (14–15 октября 2010 г., Бийск), I Международной научно-практической конференции «Медиадискурс и проблемы медиаобразования» (27–29 сентября 2010 г., Омск), VIII Международной научно-практической конференции «Прикладная филология: идеи, концепции, проекты» (27–29 октября 2010 г., Томск), Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» (27–29 октября 2010 г., Москва), Международной научной конференции «Советское в ностальгических дискурсах современности» (4–7 октября 2010 г., Томск), II Международной конференции «Речевая коммуникация в современной России» (27–30 июня 2011 г., Омск), VII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (16–18 мая 2012 г., Томск), а также на заседаниях кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета (18 апреля 2012 г.) и проблемной группы по стилистике текста при кафедре современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета. Содержание работы отражено в 33 публикациях, в том числе 13 в изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения. Первая и вторая главы носят, по преимуществу, теоретический характер и посвящены освещению понятийно-терминологического аппарата работы. Третья, четвертая и пятая главы – интерпретационно-исследовательские, они содержат анализ дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов, имеющих разный жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. В заключении обобщаются результаты исследования, намечаются его дальнейшие перспективы, а также излагается комплексная методика когнитивно-стилистического анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта. Библиография работы включает более 400 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна темы, ее теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, материал и методика исследования, формулируются цель и задачи работы, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Концепт медиа в дискурсивно-стилистическом аспекте» состоит из четырех параграфов: «Концепт медиа в современном научном лингвистическом дискурсе», «Стиль vs дискурс», «Публицистический стиль / дискурс vs массмедийный стиль / медиадискурс: об адекватном языке описания медиа», «От публицистичности к медийности, от идеологемы к медиаконцепту». Глава посвящена уточнению и обновлению понятийно-

терминологического аппарата и представлению теоретических установок современной функциональной стилистики, связанных с дискурсивным и медийным поворотами в ее развитии.

Введение в научный оборот термина *дискурсивно-стилистическая эволюция концепта* стимулирует поиски решения одной из дискуссионных проблем функциональной стилистики – проблемы соотношения и дифференциации понятий *функциональный стиль* и *дискурс*. Изучив большой корпус работ наших предшественников и учителей, мы пришли к выводу, что один из возможных путей решения данной проблемы находится на пересечении традиционной и новаторской теорий современной стилистики и лингвистической семантики, а именно – функциональной стилистики, представленной, в частности, трудами Пермской (М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский и др.) и Томской (Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, О.В. Орлова, Т.Е. Яцуга и др.) стилистических школ, и лингвосинергетики (Н.А. Кузьмина, Н.Е. Сулименко и др.) с ее адаптацией концепции диссипативных систем к феномену языка / речи.

Функциональный стиль и дискурс являются разнопорядковыми феноменами, что объясняется их сущностной обусловленностью различными системами манифестации языка / речи. Функциональный стиль детерминирован законами классической системы / системности языка / речи, дискурс – закономерностями диссипативной системы языка / речи.

Функциональный стиль в соответствии с определяющими его экстралингвистическими факторами регламентируют общие регулярные и типизированные правила отбора и организации языковых единиц в речевых произведениях и принципы их стилистического устройства. Вследствие этого классификация функциональных стилей обнаруживает единство своих оснований, имеет довольно устойчивую структуру.

Дискурсы объединяют речевые произведения на основе разнообразных лингвистических и, преимущественно, экстралингвистических факторов. Вследствие этого единая упорядоченная классификация дискурсов вряд ли возможна, однако существует неограниченное множество дискурсивных таксономий, отталкивающихся от различных параметров и оснований.

Текст как универсальная форма коммуникации обладает и стилистической, и дискурсивной маркированностью. Однако в ряду текстовых дистрибуций (например, *научный полемический диалог*) лишь одна выполняет функцию и стилистической, и дискурсивной, остальные – дискурсивные. Наиболее эффективным в комплексном филологическом анализе текста и репрезентированных в нем ментальных конструкторов представляется исследование его стилистических и дискурсивных характеристик в рамках единого дискурсивно-стилистического подхода.

Исходя из данной концепции, можно говорить о стиле текстов СМИ, который в отечественной традиции принято называть публицистическим, и множестве дискурсов, объединяющих медиатексты по самым различным основаниям. По отношению к функциональному стилю текстов СМИ в настоящее время, наряду с определением *публицистический*, полноправно употребляются иные атрибуты – *медийный*, *массмедийный* и др. По нашему мнению, это обусловлено сменой

конструктивно-стилевого вектора (термин В.Г. Костомарова) данного стиля с публицистического на медийный, предполагающий принципиальную диалогичность и полилогичность, расширение тематического и оценочного спектра, поливариативность реализации принципа чередования стандарта и экспрессии и развитие медиаконцептов как ключевых когнитивных доминант медиасферы.

Зародившийся в начале 2000-х гг. в массово-информационных дискурсивных практиках концепт *медиа* за десятилетие претерпевает интенсивную дискурсивно-стилистическую эволюцию, перейдя из стадии зарождения в стадию развития и роста, а также мигрируя в иные дискурсивные среды, преимущественно – в научную, профессиональную и педагогическую. Это дает все основания говорить о сильном миромоделирующем потенциале данного концепта, прогнозировать его достаточно долгий жизненный цикл и укоренение в современной культуре в качестве одной из ее ментальных констант.

О сущностных свойствах медиаконцептов, их типологии и подходах к анализу идет речь во **второй главе** работы **«Медиаконцепт как лингвоментальный феномен: подходы к анализу и сущностные характеристики»**.

§ 2.1. «Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в современных лингвоконцептологических исследованиях» обобщает основные презумпции лингвоконцептологического анализа. Современная лингвоконцептология (Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин и мн.др.) обнаруживает тенденцию к усилению динамического подхода к анализу текстовых концептов (З.И. Резанова, Н.В. Крючкова), что подразумевает исследование динамики их интерпретационных и семантико-аксиологических возможностей на «стреле времени» (термин Н.А. Кузьминой). Среди существующих в лингвоконцептологии направлений концептуального анализа (собственно когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический, когнитивно-стилистический) динамический подход органично присущ когнитивно-стилистическому. Особенно динамический подход актуален для изучения дискурсивно-стилистически маркированных концептов, функционирующих в определенном дискурсивном пространстве и участвующих в формировании этого дискурсивного пространства.

Обобщим основные параметры трех выделенных направлений лингвоконцептологического анализа в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления лингвоконцептологического анализа

Направление анализа	Единицы анализа	Формы репрезентации концептов	Процедура анализа	Результат анализа
Собственно когнитивно-дискурсивный	Концепты высокого уровня абстракции, абстрактно-логические концепты (части речи, деривационные	Языковые универсалии, структуры и категории	Моделирование когнитивной структуры концепта в одном или нескольких языках	Описание модели концепта в языке как системе, представленной в сознании человека

	модели и др.)			
Лингвокультурологический	Культурные концепты, константы культуры (<i>время, пространство, человек</i> и др.)	Все языковые и текстовые экспликации концепта	Моделирование смыслового объема концепта	Описание фрагмента национальной концептосферы
Когнитивно-стилистический	Текстовые дискурсивно-стилистически маркированные концепты (<i>гламур, нефть</i> как медиаконцепты, <i>преступление, наказание</i> как юрисконцепты и др.)	Репрезентации концепта в текстах определенной дискурсивно-стилистической природы	Моделирование ассоциативно-смыслового развертывания концепта в тексте или дискурсе	Описание миромоделирующего потенциала концепта с учетом его дискурсивно-стилистической приуроченности

К числу дискурсивно-стилистически маркированных концептов, отличных от концептов культуры их относительно жесткой дискурсивной приуроченностью и эволюционной подвижностью, наряду с художественными, научными и др. разновидностями, выделяются медиаконцепты. Описанию их ключевых характеристик посвящен § 2.2. «Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта».

Являясь, в отличие от идеологем (термин Н.А. Купиной), основными когнитивно-дискурсивными универсалиями демократической прессы, данные вербально-ментальные феномены, эволюционируя в дискурсивном континууме, характеризуются определенным жизненным циклом (стадиальной траекторией развития от зарождения до «затухания» или закрепления в культуре в статусе ее константы) и миромоделирующим потенциалом (способностью посредством вариативных семантико-аксиологических модуляций обогащать коллективную картину мира современника).

Процесс дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта в целом обусловлен динамикой концептуального напряжения (термин И.Т. Вепревой), стимулируемого экспликаторами концепта, прежде всего его именем, в процессе ассоциативно-смыслового развертывания медиатекстов. Процесс генерации и генерализации новых смыслов, сопровождающих имя концепта и его другие репрезентанты в медиатекстах, требует и от автора, и от адресата коммуникативного и когнитивного напряжения. В проекции на смысловую структуру создаваемого и воспринимаемого текста оно фокусируется в свойстве концептуального напряжения, понимаемого нами как повышение информативно-смысловой и прагматической нагруженности организованного определенным медиаконцептом контекста (от минимального контекста высказывания или абзаца до максимального контекста ассоциативно-смыслового развертывания концепта в медиадискурсе в целом).

Представим механизм роста концептуального напряжения. На стадии зарождения медиаконцепта, «воконцептовления» того или иного вербализованного в текстах СМИ понятия, обретения им статуса концепта происходит усложнение

его смысловой организации и увеличение семантического объема. Например, понятия *нефть*, *нано*, *гламур* в их вербальной объективации стали концептами вследствие увеличения и усложнения их смысловой структуры за счет появления в ней особого слоя социально отмеченных медийных смыслов. Причем этот слой по причине многократной намеренной и осознанной его актуализации в текстовом массмедийном континууме становится ядерным, а объем этого слоя может разрастись настолько, что первоначальный понятийный слой практически вытесняется.

Закономерно, что такие происходящие в дискурсивном медиапространстве семантические эволюционные сдвиги отчетливо осознаются медиарайтерами: *В языках романо-германской группы слово «гламур» более-менее безобидное. Нет в нем той невероятной глубины смыслов, которая теперь свойственна этому слову в русском языке. За последние годы этот термин стремительно эволюционировал, приобретая все новые и новые значения* (Большой город, 2006, 1 дек.); *Что уж говорить о нефти, «заголовочнее» которой немного слов в современном лексиконе. Совершенно гуманитарные люди почему-то знают, сколько стоит баррель нефти, и волнуются по этому поводу. А спроси их: что такое «баррель»? В дословном переводе – «бочка». А какая – какая разница: главное, что в выпусках новостей без этой бочки не обходятся (по секрету, баррель – 159 литров)* (Российская газета, 2008, 22 февр.); *Гламур и глянец – вещи неразделимые? Это понятия очень близкие. Глянец – glossy – это то, что блестит, сверкает, сияет. А гламур – glamour... – никто толком не знает, что это такое* (Независимая газета, 2007, 12 июл.).

Как видим, языковая рефлексия пишущих отчетливо и выпукло демонстрирует осознание носителями языка не только значительного усложнения смысловой структуры актуальных медийных концептов, но и их эволюционный дрейф к референциальной диффузности, размытости и неопределенности, знаменующий тенденцию к «фантомизации» их семантики. Следовательно, в данной экстремальной коммуникативной ситуации автор и адресат медийного сообщения вынуждены прибегать к многократно усиливающим концептуальное напряжение контекста когнитивным процедурам аппроксимации и интерполяции – находить и выводить приблизительное значение новой величины по известным и близким значениям. В качестве таких известных и близких семантических величин, как правило, выступают устойчивые ассоциаты, структурирующие векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта.

Под *вектором ассоциативно-смыслового развертывания* понимается определенное направление смысловой динамики концепта, характеризующееся единством стимулируемых медиарайтерами ассоциативных корреляций и аксиологических установок. Предполагаемое развертывание концепта не только в плоскости текста, но и по «стреле времени», а также в различных пространственных координатах (столицы, регионы и т.д.) отличает векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта от направлений ассоциирования, под которыми в коммуникативной стилистике текста принято подразумевать «совокупность текстовых ассоциатов, отражающих какую-либо одну сторону (грань) концепта» (определение А.В. Болотнова).

В качестве примера магистрального вектора ассоциативно-смыслового развертывания медиаконцепта *нефть* приведем вектор нефтяной аддикции, породивший метафорический штамп *нефтяная игла*. См. заголовки материалов СМИ: *Эта коварная нефтяная игла*; *Соскок с нефтяной иглы*; *Нефтяная игла вредит России*; *Нефтяная игла станет длиннее*; *Укол нефтяной иглы* и др. В русле данного направления интерпретации за счет многократной контекстной актуализации формируется устойчивая ассоциативная соотнесенность *нефть* – *зависимость*, а также сопутствующая ей пейоративная тональность социальной оценки.

Семантический и аксиологический антипод вектору аддикции – вектор идеализации, варьирующий от метафорики материнского первоначала, истока жизни (ср.: *Нефть – матушка*; *Нефтяные родники экономики*) до трансцендентального символа тотальной онтологической детерминанты всего сущего (ср.: *Нефть – это наше все*). Как правило, на стадии эволюционной зрелости концепт демонстрирует уже сложившуюся семантическую структуру в виде условного «генеалогического древа», несущие ветви которого представляют собой ключевые векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта разной аксиологической валентности.

Очевидно, что чем больше концепт способен сформировать магистральных интерпретационных векторов, аккумулирующих вокруг себя зоны пикового концептуального напряжения, чем выше градус и чем разнообразнее спектр эмоционально-оценочных коннотаций, катализирующих аксиологическую конфликтность внутри интерпретационного поля концепта, тем более жизнеспособен концепт, тем длиннее его жизненный цикл, тем выше его миромоделирующий потенциал. Данный закон дискурсивно-стилистической эволюции концепта определен нами как *закон семантико-аксиологического маятника*.

Наряду с этим, немаловажной обуславливающей миромоделирующие возможности концепта в медиасфере эволюционной характеристикой является способность концепта приобретать этнические, региональные и субкультурные спецификации. Подобные локально маркированные варианты развития значительно обогащают содержание концепта в плане новых «сюжетных линий» и в плане социоаксиологических интенций. Например, нетривиальную семантическую сопряженность нефти и высокой моды находим в прессе нефтедобывающего Азербайджана: *Особо была отмечена коллекция от кутюр Фахрии Халафовой «Богиня нефти», Азербайджан*. Примером социоаксиологических интенций в корпоративной нефтяной прессе являются сверхпозитивные заголовки материалов одного из номеров газеты «Пермская нефть»: *Адреса милосердия, Черное золото Прикамья, Новый научный центр, Общее дело, Сильные духом*.

Однако постепенно, по причине частотности воспроизведения, многократной актуализации ранее новых или же обновленных, а теперь привычных и узнаваемых ассоциативных связей, в интерпретационном поле концепта происходит сначала стабилизация зон концептуального напряжения, а затем, если этому сопутствует такой экстрадискурсивный фактор, как социальная деактуализация, – спад

концептуального напряжения и постепенное «затухание» концепта. Обычно «естественной смерти» концепта предшествует нивелирование его социальной значимости, деактуализация понятия в исторической реальности и общественном сознании.

В отличие от «затухающих» концептов, определенные медийные доминанты характеризуются длительным жизненным циклом и высоким миромоделирующим потенциалом. Они обнаруживают иной сценарий развития, предполагающий обретение ими «культурной стабильности» посредством закрепления либо в семиосфере СМИ и массовой культуры, либо даже в семиосфере высокой культуры.

Результатом дискурсивно-стилистической эволюции таких концептов — ключевых смыслообразов, фокусирующих и определяющих наиболее значимые социокультурные тенденции развития общественного сознания эпохи, — становится их переход из статуса медиаконцепта в статус концепта культуры.

Ярким признаком «культурной стабилизации» концепта является появление в его интерпретационном поле нового, уже не собственно медийного, семантического слоя, аккумулирующего импульсы философской и эстетической рефлексии современников. В этом случае вербально-ментальная целостность медиаконцепта выступает в роли базисного прототипа, лежащего в основе формирующейся лингвокультурной универсалии.

Формально данный процесс характеризуется расширением дискурсивных «сфер влияния» концепта. Как правило, стартовыми позициями немедийной реализации концепта становятся произведения массовой культуры, научно-популярная беллетристика и эссеистика. Последняя, будучи, по сути, элитарной разновидностью аналитической журналистики, воплощает мировидческие интенции авторов-интеллектуалов и способствует насыщению концепта философскими социокультурными смыслами.

Так, феномен гламура осмысляется в статьях таких известных литераторов, как Т. Толстая (эссе «Я планов наших люблю гламурье», 1998) и Н. Иванова (статья «Сюжет упрощения», 2007), оценивающих *гламур* как фактор духовной деградации общества. Неоднозначной и отчасти роковой роли нефти в жизни человека и человечества посвящены изданные в 2009–2010 гг. книги А. Остальского «Нефть: сокровище и чудовище» и Н. Старикова «Шерше ля нефть».

Социальная значимость, а также семантическая объемность и полифоничность медиаконцепта, как правило, стимулируют его экспансию в сферу массовой и элитарной культуры, где концепт приобретает уже эстетическую интерпретацию. Наибольшую вероятность закрепления концепта в культуре предсказывает появление его эстетических модификаций в творчестве мастеров слова. В итоге медиаконцепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, трансформируясь в концепты иного ранга — культурные, включая художественные, — в результате миграции в немедийные дискурсивные среды приобретают способность продуцировать новые векторы ассоциативно-смыслового развертывания, а также новые возможности наращивать концептуальное напряжение организованных ими контекстов.

Таким образом, жизненный цикл и миромоделирующий потенциал являются двумя тесно взаимосвязанными детерминантами процесса дикурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта как динамической вербально-смысловой целостности. Длительность жизненного цикла и мощность миромоделирующего потенциала концепта обусловлены комбинаторным взаимодействием ряда интрадискурсивных и экстрадискурсивных факторов. К первым относится сила концептуального напряжения, количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания, способность миграции в немедийные дискурсивные сферы, ко вторым – существующие в объективной исторической реальности политические, экономические, социокультурные обстоятельства.

Также крайне значимым фактором формирования и развития медиаконцепта является фактор прототипический, исследуемый в § 2.3. «Вербальный и культурный прототипы медиаконцепта». Вербальный и культурный прототипы концепта, актуализируя информационные рефлексы «памяти слова» и «памяти понятия» в коллективном языковом сознании, обеспечивают комфортное вхождение медиаконцепта в ментальный лексикон современника и служат каркасной основой его ассоциативно-смыслового развертывания в медиадискурсе.

По типу лингвокультурной укорененности прототипической семантики выделяются медиаконцепты со стабильным культурным прототипом (их ядерный контент актуален в относительно продолжительный временной период) и медиаконцепты с «плавающим» прототипом (они то актуализируются, то «затухают» в зависимости от социокультурной востребованности). Однако, как показало исследование, оба типа медиаконцептов обладают потенциальной возможностью к долгому и интенсивному дискурсивному развитию вплоть до закрепления в культуре.

Так, концепт *гламур*, являясь в настоящий момент пульсирующим источником разнообразных мировидческих и эстетических рефлексий, демонстрирует тенденцию к инкультурации и стабилизации. Возможной причиной закрепления в культуре этого концепта с «плавающим» прототипом стал значительный интерпретационно-информационный заряд, транслируемый его вербальным (заимствование из французского с крайне затемненной внутренней формой и неоднозначным фантомным значением) и культурным прообразами. Аллюзии и ассоциации, связанные с субкультурами щегольства в карамзинскую эпоху и стилиг – в хрущевскую, делают более устойчивыми прогностические контуры семантики и аксиологии нового медиаконцепта, становятся дискурсивными опорами философско-аналитической и эстетической его рецепции.

Нефть – медиаконцепт со стабильным культурным прототипом, локализирующим семантику сырьевого источника экономического процветания общества. Нами рассмотрены два культурных предшественника *нефти*: это концепт *золото*, прочно укорененный в информационном тезаурусе человечества и приобретший разнообразные лингвокультурные и идиостилевые варианты дискурсивного развития (например, в американской лингвокультуре), и концепт *уголь*, до сих пор являющийся актуальной медийной доминантой в угледобывающих регионах.

Как показало исследование, медиаконцепты со стабильным культурным прототипом активно инкорпорируются в структуру ключевых национальных идеологических мифов, обретающих идиоматическую проекцию в языке (*американская мечта, нефтяная игла*). Вследствие более глубокой культурной укорененности, непрерывности интерпретационной истории, одновременности нарративной жизни и ассоциативной сопряженности прототипических и актуальных вербализаторов (ср.: *золото, уголь, нефть*), медиаконцепты со стабильным культурным прототипом, в отличие от медиаконцептов с «плавающим» культурным прототипом, как правило, демонстрируют более сложную и неоднозначную как содержательную, так и аксиологическую структуру.

В трех параграфах **третьей главы «Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцептов на разных стадиях жизненного цикла»** мы рассмотрели особенности функционирования медиаконцептов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла (*нано* – зарождения и роста, *гласность* – затухания, *нефть* – культурной стабилизации), подтвердив на основе анализа медиатекстов действие закона семантико-аксиологического маятника в процессе дискурсивно-стилистической эволюции концепта.

В фазе зарождения медиаконцепта его номинат обнаруживает выделенные Т.В. Шмелевой характеристики актуальных слов текущего момента: чрезвычайную частотность, значительную семантическую и деривационную активность, повышенную текстогенность и рефлексивность. Именно концентрированная и многообразная рефлексия медиарайтеров служит мощным стимулом эволюционной динамики медиаконцепта. И.Т. Вепрева выделяет два типа рефлексивов в зависимости от степени выраженности в них аксиологической модальности: метаязыковой комментарий и метаязыковую интерпретацию. Метаязыковой комментарий эпистемичен, подразумевает объяснение значения слова или его употребления в данном контексте и призван пополнить информационный тезаурус адресата. Если же высказывание приобретает аксиологические коннотации с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, мы имеем дело с оценочным метаязыковым действием говорящего, т.е. с метаязыковой интерпретацией.

Поскольку эволюция медиаконцепта всегда сопровождается расширением и детализацией его интерпретационного поля, включая генерацию аксиологических поливалентных смыслов, фазы смыслонаполнения медийного ментефакта практически синхронно коррелируют с динамикой интерпретационных потенциалов разных видов рефлексивов. Среди видов рефлексивов, как показывает анализ материала, можно выделить, помимо комментария и интерпретации, по крайней мере еще две разновидности. Первая из них отражает начальный этап медийной презентации вербальной инновации с условно нулевой аксиологической активностью и представляет собой «голую» дефиницию – информему. Вторая, наоборот, отражает пиковую точку интерпретационного метаязыкового потенциала, когда в основу объяснительной трансформы ложится профессиональное или околопрофессиональное языковедческое знание: в текстах отражается рефлексия по поводу каких-либо собственно лингвистических аспектов

функционирования слова, зачастую приводятся адаптированные для массового восприятия мнения филологов-профессионалов. Такого рода метаязыковые высказывания можно назвать парапрофессиональными рефлексивами.

Именно такую траекторию – от собственно дефинирования через комментирование и интерпретацию к парапрофессиональной рефлексии – демонстрирует дискурсивно-стилистическое развитие медиаконцепта *нано* в СМИ первого десятилетия XXI в.

Факты метаязыковой рефлексии, вплетенные в коммуникативную структуру медиатекстов, актуализирующих определенный медиаконцепт, являются стабильной характеристикой его дискурсивно-стилистической эволюции. Детерминированное реальностью его социолингвистического существования стадийное развитие жизненного цикла медиаконцепта обнаруживает закономерное корреляционное взаимодействие с динамикой метаязыковой рефлексии (см. табл. 2).

Таблица 2

Фазы жизненного цикла концепта и типы метаязыковой рефлексии

Фазы активной лингвосемантической жизни медиаконцепта	Типы метаязыковой рефлексии над именем медиаконцепта	Социолингвистические атрибуции имени медиаконцепта на шкале социальной значимости	Характеристики оценочного спектра метаязыковых рефлексий
Фаза зарождения	Метаязыковая дефиниция. Метаязыковой комментарий.	Частотность словоупотребления.	Одновалентность оценки.
Фаза развития и зрелости	Метаязыковая интерпретация. Парапрофессиональная рефлексия.	Мода на слово. Социальный престиж слова.	Поливалентность оценки. Возникновение «сгустков проблемности».

Как видим, наблюдается условный изоморфизм между: (1) фазами «активной лингвосемантической жизни» медиаконцепта, (2) отражающими нарастание интерпретационных потенциалов типами метаязыковой рефлексии над именем медиаконцепта, (3) социолингвистическими атрибуциями этого имени на шкале социальной значимости *частотность – мода – престиж* и (4) расширением и усложнением оценочного спектра метаязыковых рефлексий.

В процессе интенсивного семантического развития в медиасфере концепт активно наращивает корпус метаязыковых реакций, постепенно совершенствуя и усложняя типы метаязыковой рефлексии (от метаязыковой дефиниции и метаязыкового комментария до метаязыковой интерпретации и парапрофессиональной рефлексии), а также расширяя аксиологический спектр от одновалентной (в случае *нано* – положительной) оценки до возникновения по причине столкновения вокруг концепта разнополярных оценок «сгустков проблемности». В данном случае наблюдается социально обусловленная рефлексивность.

В случае, когда к социально обусловленной рефлексивности присоединяется рефлексивность культурно обусловленная, начинается процесс постепенного перехода медийного концепта в статус концепта культуры. Яркий признак этого

процесса – включение концепта в прецедентные тексты, особенно – прецедентные тексты эстетической природы. Эти тексты, функционируя в медийной (в особенности – сетевой) дискурсивной среде, способствуют насыщению интерпретационного поля концепта новыми социальными, философскими и эстетическими семантическими обертонами.

По нашему глубокому убеждению, коммуникативные свойства, свойственные Интернету как глобальной ежесекундно меняющейся, пульсирующей инфосфере, коренным образом влияют на процесс языкового существования прецедентов и наделяют новыми качествами саму категорию прецедентности. Гипертекстовый и ссылочный аппарат Сети делает возможным простую редупликацию сообщения, когда коммуникативная интенция отправителя сводится исключительно к распространению исходного контента с латентным иллюкутивным посылом «Я советую это посмотреть / прочитать, потому что считаю это интересным». Такую повторяемость без наращивания информативно-смыслового объема исходного сообщения можно назвать пассивной. Она свидетельствует о спонтанной популярности того или иного феномена. Однако большей степенью культурной маркированности, свидетельствующей, скорее, не о популярности, а о социокультурной и мировидческой актуальности прецедентного текста, обладает повторяемость активная. Речь идет о фактах активности говорящего, когда он либо вводит прецедентный текст в структуру собственного сообщения (назовем это активной повторяемостью первого порядка), либо создает собственный рефлексивно-интерпретационный текст по поводу прецедентного (назовем это активной повторяемостью второго порядка).

Активная повторяемость свойственна как «реальной», так и киберкоммуникации, но в рамках последней она приобретает, во-первых, свойство длительной и относительно стабильной фиксации (что невозможно без технических приспособлений в формате устной речи), а во-вторых, свойство сверхлегкой обнаруживаемости и идентификации (что крайне затруднено с бумажными носителями, но легко доступно с помощью электронных поисковых систем). Таким образом, факты прецедентности в Сети оказываются с эпистемологической точки зрения более «объективными» и верифицируемыми, а с коммуникативной точки зрения – всегда открытыми к реинтерпретации и выражению рефлексии по их поводу. Все это позволяет проследить реальную темпоральную и интеракциональную динамику прецедентности как живого социокультурного процесса, более или менее объективно измерить миромоделирующий потенциал прецедентного текста и включенного в него медиаконцепта.

Как развивается миромоделирующий потенциал медиаконцепта при его вовлечении в прецедентный текст? Динамика семантической эволюции концепта обуславливается в данном случае комбинаторным взаимодействием двух факторов.

Первый фактор условно можно назвать фактором инициации, поскольку концепт может включаться в уже известные, состоявшиеся прецедентные тексты, модифицируя их структуру и «паразитически» (термин Г.Г. Слышкина) используя их культурную память и ассоциативную ауру, а может иницировать собственный прецедентный текст, постепенно приобретающий статус самостоятельного текста

влияния (термин Н.А. Кузьминой). Примеры эксплуатации медийными доминантами популярных прецедентных текстов весьма частотны. Концепт *нефть* также демонстрирует подобную «паразитическую» активность и текстогенность (термин Т.В. Шмелевой): *Нефть – это наше все; Нефть-матушка; Не нефтью единой; Унесенные нефтью*. Бесспорным свидетельством глубокого проникновения концепта в культуру являются факты инициации концептом собственных прецедентных текстов, ставших текстами влияния и вошедших в культурный тезаурус современника.

Второй фактор, обуславливающий динамику дискурсивной эволюции концепта в прецедентном тексте, связан с описанной выше диспозицией ключевых признаков прецедентности в интернет-коммуникации. В диахроническом эволюционном плане вместе с качественным прогрессом повторяемости – от пассивной к активной, сначала первого, затем второго порядка – нарастает степень рефлексивности и культурной маркированности прецедента и включенного в него медиаконцепта. Следовательно, наибольший миромоделирующий потенциал будут демонстрировать медиаконцепты, способные к инициации самостоятельных прецедентных феноменов и развивающиеся в дискурсивном интернет-пространстве посредством интерпретационно-рефлексивных комментариев и толкований.

Анализ ассоциативно-смыслового развертывания прецедентного высказывания *Вечность пахнет нефтью* (строка культовой песни рок-поэта Е. Летова) в интернет-дискурсе показал, что качественному прогрессу повторяемости прецедента – от пассивной к активной, сначала первого, затем второго порядка – сопутствует рост рефлексивности и культурной маркированности концепта.

Если говорить о семантике, объединяющей разного рода текстовые рефлексии по поводу рассматриваемого прецедента, то это, кроме различных локусов деструкции (социальной, политической, экономической, экзистенциальной, метафизической), смыслы тотальности и глобальности, идущие от субъекта, который пахнет, во всех своих вербальных ипостасях (*вселенная, вечность, все, повсюду, мир*) представляющего собой мироздание во всей его недискретной всеобщности: *Мир пахнет нефтью – точно так же, как и война. Этот запах невозможно ничем перебить – ни навязчивым, как синтетические добавки, ароматом выборов, ни бьющим по всем рецепторам коктейлем уличных демонстраций. Этот запах повсюду: в заголовках утренних газет, в сводках новостей, в колебаниях курсов валют. И даже в каждом пороховом зале очередной революции слышится именно он – тягучий, тяжелый, равнодушный запах нефти* (URL: <http://nvrsk.org/forum>). В данном тексте, написанном в эссеистической манере, смыслы тотальности и глобальности эксплицируются с помощью маркеров исчерпывающей всеобщности (*ничем, повсюду, в каждом*), усилительных перечислений, сравнений, метафор, эпитетов. Несомненное писательское мастерство нарратора, талантливо использующего незаурядный арсенал образных средств, позволяет говорить об определенном не только экспрессивном, но и эстетическом эффекте текста.

Будучи интерактивным и крайне мобильным коммуникативным пространством, сетевой дискурс весьма способствовал приобретению концептом *нефть* в составе прецедентного феномена новых интерпретативных сценариев от пассивной дословной повторяемости до включения в эндемичные паралитературные интернет-жанры фанфикшн – литературного творчества поклонников произведений популярной культуры, создаваемого на основе этих произведений в рамках интерпретативного сообщества.

Устойчивые образы, сопровождающие художественные версии анализируемого выражения в текстах фанфикшн, – образы смерти, тотальной, фатальной и неизбежной: – *Кай умер... – шептала старая атаманиша. – Герда умерла... Финка умерла, Лапландка тоже умерла... Ицхак Рабин умер, Роланд Дезчайн умер, и Снусмумрик умер, весь мир умер... Все миры... О Дискордия, вечность пахнет нефтью... Они все умерли...* (URL: <http://tolkien.ru/forum/index.php?topic=22162.5;wap2>).

Некоторые версии отличаются крайне мрачной гнетущей атмосферой ужаса и зла, в них *нефть* и *смерть* одноприродны, нефть становится иррациональной причиной не только смерти, но и патологического насилия: – *Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... А от тебя я не ушел, и ты от меня не уйдешь. А все остальные – не уйдут от нас. Съешь их, Лиса, съешь их всех. И тебе станет хорошо. Потому что вся вселенная пахнет Колобком, а Колобок пахнет нефтью. Убей их всех!!!* (URL: <http://tolkien.ru/forum/index.php?topic=22162.10;imode>).

В данном контексте автор добивается максимального суггестивного эффекта, используя прием шокирующего семантического диссонанса, представив героя одной из самых древних народных сказок, ставшего жертвой лисьей хитрости, маньяком-психопатом. Речь Колобка, сначала привычно повторяя сказочный рефрен, постепенно, имитируя ритмику заговора, сплетаясь из местоименных чередований и глагольных повторов, превращается в последовательность страшных приказов, выраженных императивами-деструктивами. Нефть, пропитавшая Колобка (поскольку он ею пахнет), превращает его в кровавого монстра, вездесущего во вселенной (поскольку вселенная им пахнет, а запах – субстанция, передающаяся при непосредственном контакте с его носителем).

Мрачная эсхатологичность приведенного отрывка весьма созвучна стилистической тональности и мортальной образности первоисточника – текста песни Е. Летова «Русское поле экспериментов». Приведем в качестве показательного примера отрывки первого куплета: *Трогательным ножичком пытать свою плоть, / До крови прищемить добровольные пальцы, / <...> Покончив с собой, уничтожить весь мир! / ...вечность пахнет нефтью...*

Таким образом, участие медиаконцепта в дискурсивном бытовании прецедентного текста эстетической природы свидетельствует о его интенсивном как количественном, так и качественном семантико-аксиологическом развитии.

Потухшие и затухающие концепты, напротив, демонстрируют количественную и качественную редукцию рефлексивных возможностей и аксиологического спектра. Как показал анализ медианарратива еженедельника «Аргументы и факты» за период с 1987 по 1993 гг., затухание концепта *гласность* объясняется его неспособностью эволюционировать из состояния идеологемы в

формат медиаконцепта. Этому понятию не удалось аккумулировать вокруг себя концептуальное напряжение, увеличить градус конфликтности и проблемности, создать альтернативные полюса интерпретативной активности, что повлекло за собой минимизацию маятникового эффекта и постепенное затухание как результат дискурсивно-стилистической эволюции концепта.

В традициях советской примитивной политической биполярности в «перестроечном» медиадискурсе «Аргументов и фактов» *гласность* становится благодатным полем для поиска скрытого врага, латентного диверсанта, сопротивляющегося общему делу. В правилах тактики поиска врага и нагнетания протестного пафоса формулируются устрашающие высказывания, которые выглядят как прямая угроза и чреватые возможной «охотой на ведьм» (идет 1987 год, разгар перестройки): *Видимо, не все еще сторонники гласности. Есть и такие товарищи, которые считают, что гласность подрывает авторитет руководителя; не перевелись еще, к сожалению, руководители, которым не по душе гласность* (Аргументы и факты, 1987, № 7); *Это были те, кто не хочет перемен, боится перестройки, кто знал, что неизбежные при новом руководстве перемены в общественно-политической жизни республики, расширяющаяся гласность и демократизм обязательно высветят скрываемое неблагополучие* (Аргументы и факты, 1987, № 16).

В итоге обещавшая бурное семантическое развитие концептуальная доминанта сводится к абсолютизации протестного и, в конечном счете, негативистского пафоса. Единственная трактовка анализируемого понятия, обладающая референциальной конкретикой, подразумевает беспрепятственный доступ к информации и в некоторых случаях ее обсуждение: *Гласность для нас – это канал для распространения достоверной и полной информации о жизни общества. Это трибуна широкого и демократического обсуждения всех вопросов; Само слово «гласность» вошло ныне в различные языки. Его трактуют в основном как увеличение потока информации. Это толкование зауженное, ибо гласность – это рост значения общественного мнения, оказывающего возрастающее влияние на государственное решение* (Аргументы и факты, 1987, № 47). Очевидно, что даже в данных контекстах концепт семантически опустошен, так как *широкое демократическое обсуждение и рост значения общественного мнения* далее никак не интерпретируются, оставаясь заявочными декларациями.

Постепенно модные слова перестройки, и *гласность* в их числе, начинают восприниматься как затертые публицистические штампы, о чем говорят в начале 90-х популярные сатирики: Клара Новикова (*Кстати, эти слова – перестройка, гласность, демократия – сейчас до такой степени затерты и замусолены, что для многих, в том числе и для меня, потеряли свою значимость* (Аргументы и факты, 1990, № 40)). Ефим Шифрин (*больше всего мечтает побыть в одиночестве, так как не может «даже чихнуть так, чтобы это не стало достоянием гласности»* (Аргументы и факты, 1993, №10)). Травестийное обыгрывание в данном случае является ярким симптомом «семантического кризиса» в дискурсивном бытовании понятия, изначально призванного эволюционировать в сторону высокого гражданско-нравственного звучания.

Так начинается и развивается внутренний глубинный семантико-идеологический конфликт, явившийся одним из собственно интрадискурсивных оснований «смерти» анализируемого концепта. Речь идет о парадоксальной оксюморонности внутри семантической матрицы самого концепта: понятие, по определению пропагандирующее плюрализм мнений, многополярность позиций, вариантность оценок, преподносится как не требующее и не терпящее обсуждений априорное и самоочевидное этическое и социальное благо. В прессе рубежа 90-х, как показал анализ, не происходит многоканального семантического развертывания доминантного медийного смысла, *гласность* так и остается идеологемой – и только, со всеми присущими этому лингвоментальному конструкту признаками содержательной редуцированности, искусственности, аксиологической прямолинейности, догматичности.

В четвертой главе «**Миромоделирующий потенциал медиаконцепта нефть в региональном медиадискурсе**» описывается специфика миромоделирующего потенциала регионально маркированного концепта в трех вариантах его бытования: в городских томских СМИ, в дискурсе районной газеты сельскохозяйственной территории, ставшей нефтедобывающей, и в языковом коллективном сознании жителей города нефтяников.

Рассматривая ассоциативно-смысловое развертывание концепта *нефть* в томском медиапоточе 2000-х гг., можно наблюдать значительную трансформацию идентификационных структур концепта, обеспечивающих целостность и диалектическую амбивалентность регионального самосознания, поиск оптимальных для томской семиосферы способов ментальной самоидентификации. И если на одном полюсе региональной саморефлексии лежит по-советски гипертрофированный оптимистический пафос, то на другом – близкий к эсхатологическому скепсис по поводу будущности «сырьевого придатка», а между этими полюсами находится целый спектр аксиологически и мотивационно разновалентных позиций.

Репрезентируемый в местных СМИ локально маркированный медиаконцепт *нефть* обнаруживает наиболее сильный миромоделирующий потенциал в «малой» прессе нефтедобывающих территорий, к которым относится Парабельский район Томской области, где издается газета «Нарымский вестник».

Как показал анализ гипертекста данной газеты за 2002 год, в первую очередь воздействующей силе транслируемых районным изданием информационно-идеологических трендов весьма способствует социокоммуникативная природа «малой» прессы: ее консерватизм, особая близость к читателю, авторитетность, безальтернативность, позитивный агитационно-пропагандистский модус подачи материала. Все это становится залогом эффективной прямой пропаганды крайне значимых для социального и экономического благополучия района «нефтяных» ценностей.

Так, контекстная антонимия *старая тихая сельская жизнь – новая прогрессивная эпоха жизни как в городе* проходит сквозным мотивом через многие номера районной газеты. Например, в период празднования «Дня нефтяника» публикуется материал «Это наша биография», в котором вербальные маркеры индустриализации и урбанизации сопровождают историю успеха района:

Строительство нефтепровода и сопутствующей ему инфраструктуры оказало сильнейшее влияние на социальное развитие района. История нефтепровода – это большая страница в истории района... На окраине Парабели вырос целый жилой городок нефтяников с торговым центром... Только ради большой нефти правительство СССР выделило средства на строительство ЛЭП, и Парабель получила государственную энергию.

Данный контекст насыщен «лексикой престижа»: это термины, призванные указывать на прогрессивность нефтедобывающего района (*инфраструктуры, социальное развитие, с торговым центром, государственную энергию*), слова и выражения с семантикой силы, роста и увеличения (*оказало сильнейшее влияние, большая страница, вырос целый жилой городок, ради большой нефти*), индексы высокого пафоса и апелляции к значимым для сельского жителя ценностям (*социальное развитие, истории района, правительство СССР, государственную энергию*).

Транслируя и задавая представление о социальной иерархии, автор материала моделирует пространство. В контексте одной фразы (*На окраине Парабели вырос целый жилой городок нефтяников с торговым центром*) антонимическая оппозиция (*окраина – центр*) знаменует символическое преобразование, перевоплощение первого во второе посредством возведения городка нефтяников, а сочетание интенсификатора *целый* с субстантивом *городок*, в структуре которого уменьшительно-ласкательный суффикс актуализирует смыслы малого размера и интимности, а также указание на наличие социально значимых для сельского жителя цивилизационных благ (*жилой городок с благоустроенным жильем; торговый центр*, а не сельпо) подчеркивает ту ведущую роль, которую играют урбанистический образ жизни и городское устройство окружающего пространства как объекты идеализации, почитания. В основе пропагандируемой модели желаемого урбанистки ориентированного будущего лежит нефтяной фактор.

Но намного более изощренным в тактико-коммуникативном и семантическом отношении, а потому наиболее эффективным путем воздействия на социальное сознание читателя является последовательная трансформация коренных ценностей крестьянской культуры с опорой на аксиологическую структуру этих ценностей. Так, при внедрении «нефтяных» идеалов в ассоциативно-смысловое развертывание текстов районной газеты происходят напоминающие мимикрию процессы преобразований в семантической матрице фундаментальных культурных констант, таких как концепт *труд* или концепт *богатство*.

Исследование показало, что «мутируют» за счет подмены исконных семантических признаков подобными, но принципиально иными, базисные кластеры концепта *труд*: утилитарно-практический кластер, ранее аккумулирующий аксиологию трудности и интенсивности усилий, замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости; духовно-нравственный кластер, ранее фокусирующий императив этического долга, замещается аксиологией моды, популярности, элитарности, социального престижа.

Характеризуя работу нефтяной отрасли как *сложный технологический процесс*, авторы материалов районной прессы минимизируют семантику больших усилий и интенсивности, актуализируя позитивную социальную оценку

современной нормы высокотехнологичного «продвинутого» производства: *то, что происходит на нефтеперекачивающей станции, можно назвать технической революцией; за счет модернизации и технического перевооружения производств создать современное высокоэффективное предприятие*. Как видим, смысловые признаки технической сложности и престижности накладываются друг на друга, многократно усиливая кумулятивный эффект воздействия на воспринимающее сознание.

Работа в нефтяной сфере по причине ее технологической насыщенности преподносится как высококвалифицированная и узкоспециализированная. Так, относительное прилагательное *специальный* приобретает качественные признаки престижности, авторитетности, избранности, элитарности: *Защитой объектов нефтепроводов сегодня занимается специально созданная служба безопасности; За всеми процессами, происходящими при транспортировке нефти, круглосуточно, ежеминутно следят специальные службы*. Абстрактно-отстраненная, административно-безличная номинация *службы* становится частотным представителем семантики средоточия компетенций и процедур, недоступных пониманию. *Службы* ведают особо важными, сложными, непостижимыми для непосвященных вещами: они *занимаются защитой объектов, следят за всеми процессами, в них стекается вся информация* (*В диспетчерскую службу стекается вся информация о ситуации на нефтепроводе и нефтеперекачивающих станциях области*).

Концентрация заимствованной общенаучной терминологической лексики (*объектов, процессами, информация*), отмеченной коннотациями неоформленности и неконкретности (неизвестно, что за *объекты*, что за *процессы*, какая *информация*), в сочетании с дейксисом всеобщности и неопределенности (*за всеми процессами, вся информация*), а также предикатами, в которых действия и процессы опять же не конкретизируются (непонятно, каким образом *занимаются защитой, следят, стекается*) создают впечатление некой закрытой, сложно устроенной и недоступной простым смертным сферы.

Те, кто трудится в этой сфере, должны обладать выдающимися профессиональными познаниями, быть высокообразованными специалистами (*Диспетчер должен иметь высокий уровень знаний в области особенностей трубопровода, насосных агрегатов и опасных свойств нефти*). В руководящих структурах работают занимающиеся уже совершенно непостижимой сложности умственной деятельностью и принимающие важные решения *эксперты – нефтегазовые аналитики* (*Победителей конкурса определяли независимые эксперты, в число которых вошли нефтегазовые аналитики*).

Нетрудно заметить, что в приведенных выше газетных текстах отражается отстраненное почтение и уважение к престижному и в глобальных государственных масштабах крайне значимому (*безаварийная работа нефтепроводов – дело большой государственной важности*), но непонятному и недоступному вследствие своей чрезмерной сложности труду, практический результат которого, как и нравственная сущность, оказываются вне ценностных ориентиров традиционной сельской культуры.

Абстрактность и недоступность для понимания рядовым сельским жителем специфики организации труда в нефтяной отрасли и, главное, неконкретность и «виртуальность» эмпирических результатов этого труда, требующего в то же время от работающего специальных знаний интеллектуального характера и высокого уровня образованности, с одной стороны, заставляют журналистов писать абстрактным наукообразным «заштампованным» языком, с другой – делают нефтяную проблематику «трудноусваиваемой», определенным образом внеположенной этическим нормам традиционной сельской культуры, а потому чуждой, вызывающей недоверие и настороженность.

Анализ показал, что модусы некоторой настороженности и недоверия к труду в нефтяной отрасли отчетливо проявляются в высказываниях жителей с. Парабель, собранных участниками диалектологической экспедиции кафедры русского языка ТГУ под руководством Т.А. Демешкиной в 1985 г.: *На озерах рыбы много можно наловить. Сено косим, где повыше кочки – складешь – там и сохнет. Шшас нефтепровод идет. Зять наш непутный там работат. То гандрена у няво, то лень; Да, тридцать с лишним лет девушка, работает на нефтебазе, грамотная. Вот она сейчас, по-видимому, с каким-то стала ходить. Хороша девка, у матери спросишь: «А, говорит, – не идет, не идет замуж». За плохих она не идет, а за пьяницу не хочет.*

В первом контексте говорится о том, что на нефтепроводе работает нравственно ущербный, *непутный* зять участницы опроса, выражающей явное осуждающе-пренебрежительное отношение к таким его качествам, как лень и ипохондрия. Во втором высказывании прослеживается сочувствие жительницы Парабели к незамужней девушке, которой не удается устроить личную жизнь по причине соответствующей работе на нефтебазе грамотности, а следовательно – повышенной требовательности. Оба персонажа, занятые в нефтяной отрасли, по разным причинам не вписываются в этические нормы традиционной крестьянской культуры, их образ жизни не оценивается местным общественным мнением как достойный и правильный.

Таким образом, в основе развития миромоделирующего потенциала медиаконцепта *нефть* в районной прессе нефтедобывающего региона лежат несколько иные стимулы, нежели в прессе центральной и даже городской. В субдискурсе массмедийного мейнстрима рост концептуального напряжения обуславливается собственно интрадискурсивной конфликтностью, наличием полярных разновалентных оценок нефтяного фактора в самих медиатекстах, представляющих весь спектр общественного мнения. В по преимуществу аксиологически одноцветном субдискурсе районной газеты наблюдается конфликтность иного рода, проявляющаяся в имплицитной оппозиции традиционных консервативных крестьянских ценностей и навязываемых нефтью цивилизационных урбанистских установок.

Несколько иное решение получает концепт *нефть* в медиасфере и коллективном сознании жителей г. Стрежевого – нефтяного моногорода на севере Томской области. Проведенные эксперименты (стилистический эксперимент, произведенный методом трансформации исходного медиатекста, и психолингвистический эксперимент с использованием модифицированной

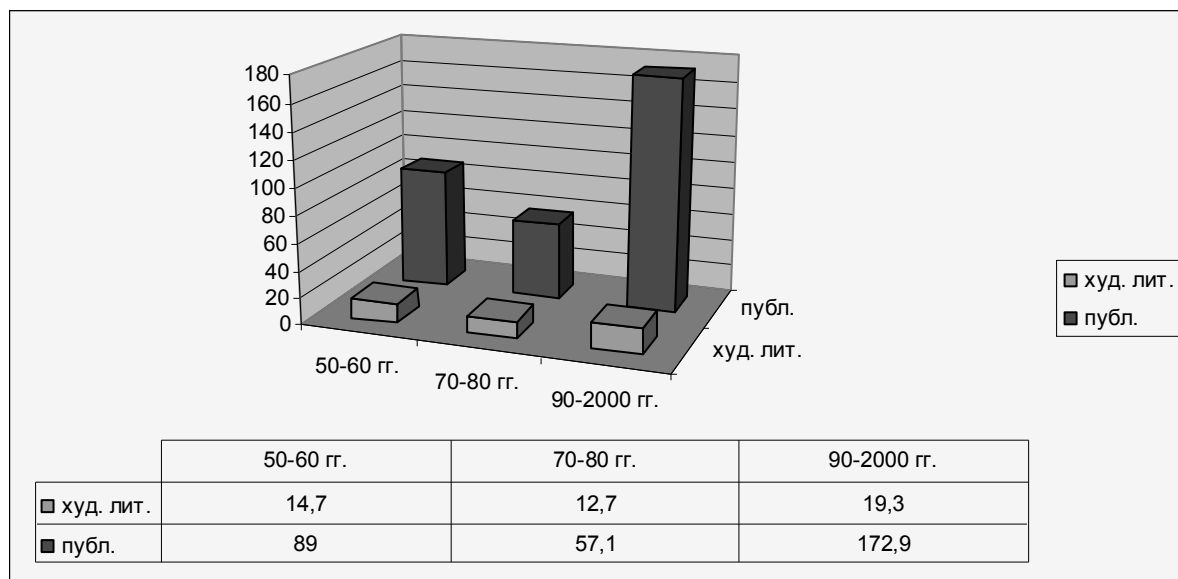
методики семантического дифференциала Ч. Осгуда) подтвердили гипотезу о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и некорректно смещенном – вынужденно комплиментарном, гипертрофированно позитивном – аксиологическом профиле медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стрележчан. Однако проведенный опрос выявил и признаки нравственно-этической фрустрации по поводу нефти, а именно – категорическое признание собственной тотальной зависимости от нефти, «обреченности на нефть» и практически полный отказ оценивать нефть в категориях этики, эстетики и чувственной перцепции, что говорит о безусловном признании утилитарной и социально-экономической ценности нефти при невыраженности ее значимости в человеческой духовности и культуре.

В пятой главе «Концепт *нефть* в русском поэтическом дискурсе» с целью проследить формирование концепта *нефть* как художественной универсалии было рассмотрено его воплощение в русском поэтическом дискурсе от первых эпизодических включений анализируемого образа в лексическую структуру лирического текста до произведений 2010-х гг.

При обращении к материалам Национального корпуса русского языка и созданного на его основе Нового частотного словаря русской лексики обнаруживается, что лексем *нефть* и *нефтяной* нет ни в частотном словаре художественной литературы, ни в частотном словаре живой устной речи (в список включены 5000 самых частотных лемм этих подкорпусов), что означает их низкую частотность в текстах данных стилей. Напротив, вполне репрезентативное представительство данных лексем наблюдается в текстах публицистических. Так, *ipm* (*instances per million words* – число употреблений на миллион слов корпуса) лексемы *нефть* в публицистике составляет 101,9; лексемы *нефтяной* – 62,1, следовательно, их совокупный *ipm* – 164,0. Для сравнения: совокупный *ipm* лексем *богатый* и *богатство* составляет 155,8; совокупный *ipm* лексем *православный* и *православие* – 125,4.

Общий частотный список лемм словаря свидетельствует, что из 20 004 позиций, последние из которых демонстрируют *ipm* ниже 3,0, нефть занимает 1 935, а *нефтяной* – 3 264 места с *ipm* 62,3 и 33,6 соответственно. Все это говорит о наличии данных слов в активной зоне лексического тезауруса современника. Кроме того, частотный список лемм Нового частотного словаря русской лексики (словарь основан на выборке текстов Национального корпуса русского языка, представляющей современный русский язык периода с 1950 по 2007 гг., объем выборки составляет около 100 млн. словоупотреблений) позволяет проследить динамику того или иного словоупотребления в художественной литературе и публицистике 1950–1960-х, 1970–1980-х и 1990–2000-х гг. Если в художественной литературе интересующие нас лексемы имеют довольно низкий совокупный *ipm*, слегка возрастающий к периоду 1990 – 2000-х, то в публицистике мы видим резкое – более чем в 3 раза! – возрастание частотности от 1970–1980-х к 1990–2000-м (см. рис. 1). Это – более чем убедительное доказательство нашей теории о медийной природе концепта *нефть*, получившего столь бурное, взрывоподобное развитие именно с началом формирования информационного общества в 1990-е.

Рис. 1. Динамика частотности лексем *нефть* и *нефтяной* в художественной литературе и публицистике 1950-х – 2000-х гг.

В русском поэтическом дискурсе образ нефти претерпевает масштабную дискурсивно-стилистическую эволюцию от вторичного эстетически блеклого образа в поэзии пушкинской поры (первые включения анализируемого слова в лексическую структуру лирического произведения наблюдаются в творчестве двух поэтов-романтиков В.Н. Олина и А.И. Подолинского: *О, каждая слеза твоя, / Как капля нефти воспаленной <...> / Мне в сердце падала и сердце страшно жгла!* (В.Н. Олин, «Слезы», 1827); *И кровь ее, как нефти жаркий ключ, / Огнем из ран пылающих струится* (А.И. Подолинский, «Смерть Пери», 1834–1836)) до полноценного художественного концепта в современной литературе разных направлений: реализма, модернизма, постмодернизма, метареализма и др.

Как показало исследование, современная манифестация художественного концепта *нефть* – это результат эволюционного взаимодействия информационно-интерпретационных импульсов предшествующей традиции эстетического воплощения нефтяной тематики и активной дискурсивной миграции одноименного медиаконцепта в дискурсы публицистической, научно-популярной, философско-эссеистической, массовой и элитарной художественной литературы.

В лирике конца XIX в., Серебряного века, революционной и послереволюционной поры, а также в Бакинском тексте русской литературы этого же периода (поэтического гипертекста о Баку) были заложены основные векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* в художественном тексте: одический и драматический.

По мере мифологизации поэтического образа посредством аллюзий и мотивов как традиционной, так и неомифологии (пантеизма, христианства, машинного утопизма, космогонии и геологии, технолатрии, анимализма, ницшеанского антропоцентризма, революционного очищения, покорения природы, строительства коммунизма и т.д.) одический вектор трансформировался в героико-патетический. Яркий пример тому – преклонение перед первобытной нечеловеченной агрессивной силой и бездушной механистичностью, гигантомания, безапелляционный урбанизм, которые наиболее концентрированно предстают в стихотворении В. Брюсова 1920 г. «Дворец центромашин» (*Из тьмы, из бездн иных столетий, / Встает, как некий исполин, / Величествен в недвижимом свете, / Центродворец мотомашин*), в котором поэт сакрализирует уголь и нефть как физиологические субстанции, обеспечивающие жизнь механизмов, отождествляемых с мифологическими гигантами (*циклопами, драконами*): *Огромной грудой угля сытый, / Дракон бескрылый, не устань! <...> Чтоб дружно лязгали машины, / Пот нефтяной струя в труде!*

Следующий текст, написанный непрофессиональным литератором и опубликованный в сборнике 1925 г. «В.И. Ленин в поэзии рабочих», крайне интересен приписыванием нефти качества «революционности»:

*Нефть сегодня жирней и черней.
Тартальщики стиснули зубы.
Желонки кричат о разорванном дне
И плещутся нефтью грубо.
Пена бежит желтоватой каймой.
Заслонки в заржавленной пене
И видится взгляду по нефти густой
Знакомое имя: Ленин...*

В развернутом олицетворении нефть и вся атрибутика ее добычи «переживают» утрату вождя вместе с добытчиками, выражая накал чувств в интенсивности собственных полезных свойств (*жирней, черней, густой*), экспрессивности действий (*Желонки кричат и плещутся нефтью, пена бежит*) и состояний (*о разорванном дне, заслонки в заржавленной пене*). В искреннем порыве сопричастности нефть и инструменты нефтедобычи обретают высшее свойство человеческого выражения мысли – дар речи, причем как устной (*Желонки кричат о разорванном дне*), так и письменной (*И видится взгляду по нефти густой / Знакомое имя: Ленин...*). Наивысшая степень поэтического антропоморфизма соседствует с революционным пантеизмом: имя вождя мистическим образом проявляется на нефтяной глади.

Анималистический миф, свойственный концепции технического утопизма (нефть – пища для машины), в уникальном Бакинском тексте, синтезировавшем революционные эстетическо-философские искания, геологические мифологические рефлексии и космогонические интуиции, постепенно претворяется в творчестве мастеров поэтического слова в концепцию индустриального покорения новым человеком нефти как покорения мироздания.

Нефть как основа новой религиозности, религиозности социального и материалистического толка, фигурирует в «бакинских» стихотворениях В. Маяковского и С. Есенина, ср.:

у Маяковского:

*Жирное пятно в пиджаке мира.
Баку.
Резервуар грязи,
но к тебе
я тянусь
любовью
более –
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка – правоверного,
Иерусалим –
христиан
на богомолье.*

У Есенина:

*«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».*

Обращает на себя внимание факт употребления обоими поэтами сравнительных конструкций (*более чем; не лучше ли*), в которых «большей правдой» обладают нефтяные реалии, приобретающие качество сакральности. Так, неприглядный нефтяной город, описываемый перифразами с эпитетами брезгливости и отвращения (*жирное пятно на пиджаке мира, резервуар грязи*), и хтоническая цветовая (*черных*) и символная (*фонтаны нефти* бьют из-под земли) атрибутика нефтедобычи сравниваются с топикой и атрибутикой религиозной. В стихотворении А. Жарова «Город нефти» (1930 г.) синкретизм религии и нефтедобычи, возведение нефтедобычи в ранг новой религии материализуются с помощью чередования омонимов: *Божьим промыслом благословенным / Нефтяные снятся / Промысла...*

У Маяковского теологическое сравнение приобретет черты интимно-личностного откровения за счет употребления коллокации *тянусь любовью* (вне контекста она однозначно прочитывается в интимно-лирическом значении) и развернутого перечисления номинаций последователей различных мировых религий и священных паломнических мест (*дервиш – Тибет, правоверные – Мекка, христиане – Иерусалим*). У Есенина же на первый план выступает волнующий его во время написания стихотворения вопрос о достойных темах преломления поэтического дара: о чем должен писать поэт – о *мистических туманах* или о *крепкой и живой правде жизни*, воплощением которой служит нефть и ее добыча.

Контрастны у двух поэтов и разрешения смыслового посыла религиозно-нефтяных сравнений. Маяковский продолжает аллегорическую «псевдолюбовную» линию в свойственной для него манере гиперэротизма, приписывая неутолимую любовную жажду по отношению к нефтяному городу машинам (*По тебе / машинами вздыхают / миллиарды / пориной и колес. Поцелуют и опять / целуют, не стихая, / маслом, нефтью, / тихо / и вчасос*), цистернам (*...цепью сцепеневших тел / льнут / к Баку / покорно / даже змеи / извивающихся цистерн*). Есенин же изображает аллегорию иного рода – своеобразный синкретизм индустриального пантеизма и космогонической антропологии: *Я полон дум об индустриальной мощи, / Я слышу голос человеческих сил. / Довольно с нас / Небесных всех светил – / Нам на*

земле / Устроить это проще. Нефтяной переворот заставляет поверить в сверхчеловеческие возможности земного жизнестроения, отсюда мотивы боготорческого противостояния фундаментальным законам мироустройства, даже – небесным светилам (...фонари прекрасней звезд в Баку).

Обретя вспышкообразное эстетическое развитие в поэзии В. Высоцкого (песня «Тюменская нефть» и стихотворение «Революция в Тюмени», 1972), героико-патетический вектор ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* в настоящее время деградировал: он реализуется по преимуществу в этикетно-эпидейктическом либо в травестийно-ироническом ключе.

В то же время драматический вектор эстетизации образа нефти через насыщение семантикой крови, насилия, войны, социальных и экологических катаклизмов, экономического неравенства, катастрофизма, противоестественности, абсолютной зависимости, безнравственности и безнадежности все более приобретает эсхатологический, апокалипсический характер.

Смысловая лексическая / семиотическая парадигма *Бог – нефть* приобретает в современном художественно-эстетическом дискурсе статус культурной универсалии. В начале постнищеанского XXI столетия место умершего Бога занимает нефть: «*Бог умер!*», – *нефть кричит, орет!* Данная строчка, содержащая прямую отсылку к известнейшей фразе Ницше, который в конце XIX в. говорил о духовном упадке европейской цивилизации, принадлежит перу рок-автора С.Е. Шилова. Поэт, солидаризируясь в философских и эстетических интуициях со многими современными художниками, рисует картину глобальной катастрофы «пришествия нефти»:

*Там, где есть нефть,
Нефть всех съест.
Стерта неба весть –
Это цена за нефть!
Времени больше нет –
Это цена за нефть!
Зрения больше нет! –
Это цена за нефть!
Музыки больше нет!
Есть только нефть!
Нефть несет весть:
Бога больше нет,
Есть только нефть,
Есть только нефть!
<...>
Крутят колеса в стране дураков,
В рай...*

Данный не отличающийся большой художественной ценностью текст важен представленностью в нем ведущих элементов образного инвентаря нефтяного поэтического дискурса современности. Произведение изобилует вербально-семантическими признаками деструктивности, нивелирования и опустошения (например, в глагольных формах и модальных словах семантики исчезновения и аннигиляции: *съест, стерта, нет*, в многократных лексических повторах, нагнетающих негативную экспрессию: *Времени больше нет – Зрения больше нет! – Музыки больше нет! – Бога больше нет*), маркерами семантики глобальности и всеохватности (например, в перечислении исчезнувших ключевых символов высшей духовности: *времени, зрения, музыки, Бога*; в «рубленном» категоричном

синтаксическом рисунке, состоящем из коротких констатирующих конструкций, построенных на антонимии экзистенциальных предикатов *есть – нет*, в усилителях наречного и иного типа: *только, больше, всех*), архетипической религиозной символикой (*неба весть; Бога больше нет; в рай*). Троекратный повтор поэтической трансформы узуальной медийной коллокации *цена на нефть – цена за нефть* прочитывается метафорически за счет лексико-синтаксического параллелизма как *расплата за грехи*, а завершающее текст «обстоятельство места» осмысливается в тропеически-ироническом, абсолютно обратном смысле – *в ад*.

Исполнена предчувствием неминуемой катастрофы нефтяная атрибутика в поэзии А. Таврова: *Когда вокруг миры и танкеры, убийства / и джипы, и в горах идет война, и голосит /на сцене тенор мировой, а нефть пылает («Складка»); ...или танкер и в танке орел?... У сынка черной крови по горло, как нефти по край ... то нефть, то жерло («Рыбы»)*. Насыщенность вербальной ткани текстов лексикой семантических сфер войны, социальных и экологический бедствий, угроз и катаклизмов (*танкеры, танк, война, нефть пылает, крови по горло, жерло*) фокусирует и катализирует семантику нефти как причины и источника этих катастроф. А образ пылающей нефти действительно становится универсальным культурным знаком «апокалипсиса сегодня» (ср. с описываемыми ранее инициальными включениями лексемы *нефть* в русскую поэтическую парадигму, где способность нефти к горению трактовалась в контексте любовных переживаний) – например, в известной песне Б. Гребенщикова «Поколение дворников и сторожей» о трагической разобщенности и бессилии рефлексирующего сознания перед лицом движущегося к неминуемой гибели мироздания, *когда горящая нефть хлещет с этажа на этаж*.

Абсолютное зло как итог конца нефти, конец нефти как конец жизни, как тотальная смерть человека и мира – эти интенции продолжают быть частотными мотивами рок-творчества: *я не знаю, кто придет нас убивать, когда закончится нефть* (Максим Демах); *Когда закончится нефть* (название песни Ю. Шевчука).

Что касается метафизического направления интерпретации концепта *нефть* в отечественном художественном дискурсе, то наиболее яркое вербально-образное воплощение этот концепт получает в творчестве таких выдающихся современных писателей, как А. Парщиков (поэмы «Нефть» и «Долина транзита»), В. Пелевин («Македонская критика французской мысли» и др.), А. Илличевский (романы «Нефть», «Перс», эссе «Опыт геометрического прочтения: «Нефть» и «Долина Транзита» А. Парщикова)). Именно в этих произведениях концепт *нефть* обретает все свойства концепта художественного, а именно – полноценные эстетические приращения, уже не столь однозначно детерминированные его медийной, социально маркированной природой.

Осознание тотальности и глобальности нефти как самой важной детерминанты жизни современного человечества – таков обобщенный итог интерпретации темы нефти как в социально ориентированной, так и в философско-метафизической, как в реалистической и модернистской, так и в постмодернистской литературе. От косвенного и периферийного поэтического образа *нефть* в художественном дискурсе эволюционировала в результате

медийной актуализации в семантически и эстетически полноценный художественный концепт – глобальный символ современной эпохи.

В **заключении** подводятся итоги работы. Динамический подход к анализу дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов последовательно соблюдался в ходе исследования, что позволило обобщить использованные методы, приемы, процедуры и технологии в авторскую методику анализа медиаконцепта, которая впоследствии может корректироваться и уточняться.

Методика динамического когнитивно-стилистического анализа медиаконцепта включает комплекс разноплановых исследовательских процедур и носит поэтапный характер. Целью комплексного анализа того или иного медиаконцепта является выявление его миромоделирующих возможностей посредством описания дискурсивно-стилистической эволюции концепта в текстах СМИ и иных дискурсивных формаций.

На предварительном этапе работы и всех последующих этапах крайне востребованными и актуальными являются методы корпусной и компьютерной лингвистики, позволяющие, во-первых, создавать релевантные для конкретного исследования корпуса текстов, а во-вторых, получать достоверные данные о частотности репрезентантов концепта в том или ином текстовом массиве, об их типичных контекстуальных партнерах, о преобладающих аксиологических модусах и т.д.

Выделяется как минимум шесть основных этапов методики комплексного анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта. Для удобства презентации представим их в виде таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3

Методика анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта

№ п/п	Название этапа анализа	Исследовательские процедуры	Результаты
1.	Становление в качестве ключевого слова текущего момента*	Анализ частотности имени концепта и его прямых репрезентантов, их деривационной, метафорической и текстогенной активности	Регистрация факта «рождения» концепта, предварительный прогноз его семантико-аксиологического развертывания в медиадискурсе
2.	Прототипы концепта	Анализ вербального и культурного прототипов концепта, если они имеются	Определение типа прототипической актуализации концепта (концепты со стабильным и «плавающим» культурным прототипом), определение степени фантомности семантики вербального прообраза, выявление основных интерпретационно-информативных импульсов, транслируемых концепту его предшественниками
3.	Концепт в зеркале рефлексии медиарайтеров	Анализ уровня рефлексивной активности концепта по шкале от метаязыковой дефиниции и метаязыкового комментария до метаязыковой интерпретации и парапрофессиональной рефлексии, анализ направлений ассоциативно-	Определение стадии интенсивного развития концепта, описание ключевых векторов ассоциативно-смыслового развертывания и

		смыслового развертывания концепта в медиадискурсе	ведущих аксиологических модальностей концепта, выявление зон концептуального напряжения и «сгустков проблемности»
4.	Концепт в составе прецедентных текстов	Анализ функционирования концепта в составе прецедента по шкале от пассивной повторяемости к активной сначала первого, а затем второго порядка, исследование концепта в «прецедентной» функции в различных дискурсивных модификациях	Регистрация стадии дискурсивной стабилизации концепта, вероятный прогноз его культурной стабилизации, описание процесса насыщения интерпретационного поля концепта новыми социальными, философскими и эстетическими семантическими признаками
5.	Региональные, этнокультурные и субкультурные версии концепта	Анализ концепта как регионально/этнически/субкультурно маркированного в аутентичных дискурсивных средах	Выявление и описание семантико-аксиологических вариаций дискурсивно-стилистической эволюции концепта, обогащающих его миромоделирующие возможности
6.	Концепт в немедийных дискурсивных форматах	Анализ междискурсивных миграций концепта (преимущественно в публицистический, философский, научно-популярный, художественный дискурсы)	Регистрация факта культурной стабилизации концепта и перехода его в статус концепта культуры, выявление и описание его новых философских, социокультурных, эстетических смысловых модуляций и аксиологических обертонов

* Термин Т.В. Шмелевой

Поскольку медиаконцепты являются динамическими, текучими и нестабильными вербально-ментальными сущностями дискурсивно-стилистической природы, далеко не все из них можно проанализировать, стройно и логично проведя по всем этапам и процедурам в рамках данной методики. Многие медиаконцепты «затухают» еще на стадии становления или начального роста (ср. концепт *дефолт*), так и не разившись в полноценные медиаконцепты. Некоторые существуют как «ключевые слова текущего момента», но прогноз на их дальнейшее развитие делать затруднительно (ср. буквально в последний месяц 2011 г. появившееся и активно эксплуатируемое в настоящий момент медийное значение слова *карусель* – определенная технология фальсификаций на выборах).

Многие медиаконцепты развиваются лишь до стадии дискурсивной стабилизации, становясь когнитивными доминантами медиадискурса, но не вторгаясь при этом во владения иных дискурсивных формаций и не приобретая дополнительных культурных и эстетических смысловых приращений. В то же время такие полноценные медиаконцепты (ср. *кризис*, *нано*) обнаруживают значительной силы эффект семантико-аксиологического маятника, большую рефлексивную активность и вполне могут включаться в состав прецедентных текстов по преимуществу нехудожественного происхождения, а также приобретать актуальные региональные и иные варианты.

Лишь некоторые медиаконцепты можно назвать медиаконцептами «полного цикла» (ср. концепты *гламур* и *нефть*). Эти когнитивные универсалии, как правило, обнаруживают информативно и социоаксиологически перспективные вербальный и/или культурный прототипы, интенсивно развивают свои интерпретативные конфликтогенные возможности в медиасреде, активно варьируются в региональных и субкультурных коммуникативных инфосферах, становятся так или иначе востребованными иными дискурсами вплоть до художественного и, в конце концов, становятся концептами культуры – своеобразными точками отсчета в системе мировидческих и эстетических координат современности.

Безусловно, каждый медиаконцепт, особенно «полного цикла» дискурсивного развития, достоин отдельного монографического исследования. С точки зрения дальнейшей перспективы работы в усовершенствовании и детализации нуждается методика комплексного анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта. Кроме того, актуальной задачей теоретического характера является комплексное описание массмедийного стиля, претерпевшего смену конструктивно-стилевого вектора с публицистического на медийный и требующего системного и последовательного изучения произошедших в нем кардинальных трансформаций.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографические издания

1. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 354 с.
2. Орлова О.В. Гласность – ностальгия по фантому? О причинах «затухания» медиаконцепта // Ностальгия по советскому / отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 419 – 428.
3. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта *нано* в зеркале рефлексии медиарайтеров // Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 172 – 188.
4. Орлова О.В. Медиаконцепт *нефть*: от культурных прототипов к доминанте современной томской семиосферы // Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы / ред. О.В. Орлова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 28 – 63.
5. Орлова О.В. Медиаконцепты как смысловые доминанты современного медиадискурса: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал // Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 157 – 171.
6. Орлова О.В. Проблемы диалогического взаимодействия в современном медиапространстве // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 368 – 389.

7. Орлова О.В. Проблемы изучения актуальных концептов региональной картины мира // Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы / ред. О.В. Орлова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 4 – 10.

Публикации в ведущих научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

8. Орлова О.В. Художественный и рекламный текст: принципы регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). Сер.: Гуманитарные науки (Филология). С. 129 – 133.
9. Орлова О.В. К вопросу о специфике рекламного текста как объекта лингвистического анализа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 2 (65). Сер.: Гуманитарные науки (Филология). С. 108 – 110.
10. Орлова О.В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 34 – 38.
11. Орлова О.В. О когнитивно-стилистическом и когнитивно-дискурсивном подходах к изучению концептов // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 206 – 213.
12. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (69). С. 79 – 84.
13. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт *нефть* в томской медиасфере // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 4 (12). С. 33 – 41.
14. Орлова О.В. Языковая рефлексия как фактор дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта (на примере концепта *нано*) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 208 – 218.
15. Орлова О.В. The Role of Cultural Prototypes in Discursive and Stylistic Evolution of Media Concept *Oil* // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4. № 5. P. 688 – 695.
16. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция «потухшего» медиаконцепта (на примере концепта *гласность*) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 219 – 226.

17. Орлова О.В. Роль культурного и вербального прототипов в дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3. С. 59 – 64.
18. Орлова О.В. Семантические трансформации концептов *нефть* и *труд* в малой прессе нефтедобывающих территорий (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 34 – 37.
19. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта и прецедентность в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 163 – 170.
20. Орлова О.В. Специфика реализации медиаконцепта *нефть* в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1. С. 232 – 236.

Публикации в других изданиях

21. Орлова О.В. К вопросу о стилистическом статусе PR-текста // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве: материалы II Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. (15 мая 2005 г.). Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. С. 234 – 238.
22. Орлова О.В., Бабенко И.И. О динамике концепта *красота* в поэтической концептосфере XX века // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: материалы VIII Всерос. науч.-практ. семинара. / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2006. С. 26 – 33.
23. Орлова О.В. Специфика реализации принципа чередования стандарта и экспрессии в современном рекламном тексте // Текст и языковая личность: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26–27 окт. 2007 г.). / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. С. 320 – 325.
24. Орлова О.В. К вопросу о способах организации интерактивного кода в текстах региональных печатных СМИ (на материале писем читателей) // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах: материалы IX Всерос. науч. семинара (25–26 апр. 2008 г.). / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2008. С. 243 – 250.
25. Орлова О.В. О месте эргонимов в вербальной репрезентации медиаконцепта *нефть* в печатных СМИ нефтедобывающего региона (на примере газеты «Томский вестник») // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: тр. междунар. науч.-практ. конф. (4 июл. 2008 г.). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2008. С. 147 – 150.

26. Орлова О.В. Тактики дискредитации в политических газетных текстах с регулятивной доминантой разного типа (на материале томской прессы) // Актуальные проблемы русской речевой культуры и теории текста: науч. тр. Лаб. рус. речевой культуры и текста Том. гос. пед. ун-та. / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 59 – 68.
27. Орлова О.В. К проблеме изучения медиаконцептов в современной лингвоконцептологии // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сб. науч. ст. Вып. 10. Красноярск, 2010. С. 93 – 97.
28. Орлова О.В. Концептуальное напряжение как свойство дискурсивной эволюции медиаконцепта // Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: материалы Междунар. науч. конф. (27 – 29 окт. 2010 г.). М., 2010. С. 215 – 219.
29. Орлова О.В. Медиаконцепт как дидактическая единица РКИ // Прикладная филология: идеи, концепции, проекты: сб. тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. С. 142 – 146.
30. Орлова О.В. Не так прост гламур, как его малюют: о культурных прототипах медиаконцепта // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. Вып. 1: Системно-структурная и антропоцентрическая типология языка. Бийск: Изд-во Алт. гос. акад. образования, 2010. С. 199 – 202.
31. Орлова О.В. Образ угля в ряду культурных прототипов медиаконцепта *нефть* // Медиадискурс и проблемы медиаобразования: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 27 – 29 сент. 2010 г.). Омск, 2010. С. 227 – 232.
32. Орлова О.В. Имиджевый ресурс медиаконцепта нефть в СМИ нефтедобывающего региона // Речевая коммуникация в современной России: материалы II Междунар. конф. (Омск, 27 – 30 июня. 2011 г.): в 2 т. Т. 1. / под ред. О.С. Иссерс. Омск: Вариант-Омск, 2011. С. 205 – 210.
33. Орлова О.В. Концепт *медиа* в современном научном и профессиональном дискурсах // Русская речевая культура и текст: материалы VII Междунар. науч. конф. (16 – 18 мая 2012 г.). / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. С. 287 – 291.